

ПЕРЕВОДЫ

Г. ВИНСКОГО

Первая полная публикация

Л.Н. Большакова

От публикатора и издательства

Вслед за первой полной публикацией «Записок Г. Винского», осуществленной Л.Н. Большаковым и издательством «Оренбургская губерния», публикатор и издательство предпринимают печатание еще одной значительной части творческого наследия одного из видных представителей литературы конца XVIII – первых десятилетий XIX столетия.

Григорию Степановичу Винскому посвящены книги Л.Н. Большакова «Возвращение из прошлого» (Киев, изд. «Радянський письменник», 1988), «Возвращение Григория Винского» (Оренбург, Печатный Дом «Димур», 1999), «Повести о поисках и обретениях» (Москва, изд. «Русская книга», 2000) и новейшая «Записки Г. Винского» (Оренбург, изд. «Оренбургская губерния», 2001). Но пришло время более полной публикации того, что относится к разряду рабочих (или черновых) записей. Тем самым, мы вводим вас в лабораторию Винского-переводчика, читающего книгу «Memoires secrets Sur la Russie pendant les regnes de Catherine II et de Paul I», вышедшую в трех томах в Париже (1800-1802); четвертый, дополнительный том увидел свет годом позже в Амстердаме.

А.И. Тургенев в своем дневнике назвал ее автора, Карла Массона, «писателем о России». С Россией он был связан теснейше. Даты его жизни – 1762-1807. Уроженец Женевы в 1786-1796 служил в Петербурге – поначалу преподавателем в кадетском корпусе, а затем воспитателем и учителем сыновей генерал-аншефа Салтыкова, часто занимавшихся с великими князьями Александром и Константином Павловичами, и, наконец, секретарем будущего самодержца Александра I. Он многое видел и знал, а обо всем узанном судил самостоятельно, без оглядки.

«Секретные записки о России и в частности в конце царствования Екатерины II и правлении Павла I» Винский переводил тогда же, когда они появились на языке оригинала. Тогда, когда русский читатель о них и знать не знал. Перевод сохранился в списке, обнаруженном в фонде Отдела рукописей Научной библиотеки Национальной Академии наук Украины в Киеве.

В дополнение к публикации переводов, второй ее частью, приложением к ней, издательство помещает рецензии авторитетных столичных научных

журналов на книгу Л.Н. Большакова «Возвращение Григория Винского», изданную Печатным Домом «Димур» в Оренбурге (1999).

Настоящее издание подготовлено в НИИ «Институт Тараса Шевченко – Центр энциклопедических проектов Оренбургского государственного университета» и осуществлено при содействии Оренбургской общественной организации «Молодая гвардия» (председатель С. Тулупов).

ИЗ КАРЛА МАССОНА

Перевод В...го. 1802. № 1.

Выпуска из Memoires Secretes Sur la R par. M...

Вы! желающие видеть Троны, окруженные рабами или обожателями! преклоните ваше рабственное чело долу, закройте сию книгу: в ней есть истины.

Сочинитель

Веселости, пребыванием Шведскаго Короля в С.п.бурге произведенные, уничижении, бывшие оных последствием, ускорили наверное конец жизни Екатерины. Шесть недель она была на непрестанных праздниках, утомлявших ее неизбежно; ибо давно уже всходить и нисходить по лестницам, одеваться и казаться, хотя на малое время, было для нее затруднением, тем большим, чем она силилась всегда выдавать себя молодою и здоровою, и что ни за что не хотела употреблять носилок...

К концу своей жизни Екат<ерина> сделалась толста даже до безобразия: ноги ее, всегда отекавшие и часто покрытые ранами, весьма уже не походили на те прелестные, коими некогда восхищались. Славный Морской Разбойник Ламбро-Кадзиони, адмиралом Рибасом введенный к ней чрез Зубова, и который отправлял у ней почтенную должность шута, служивши прежде у Корсаром в Архипелаге, сделался наконец ее врачом. Он уверил ее, что ставя ежедневно ноги в холодную морскую воду, он излечит болезнь совершенно. С начала врачевание <шло> по желанию, и она сама забавлялась с Ламбро на счет своих врачей; но скоро ноги ее опухли пуще прежняго; и продолжительные сидения, без движения, увеличили болезнь. В то время как ей донесли, что король отказывается, и когда она принуждена была распустить блистательное собрание, стекшееся для празднования обручения ея внуки, она почувствовала первый легкий параличный припадок. Принуждение в следующие дни казать себя в обыкновенном виде, и не явить царедворцам, что она тронута непослушанием королька, вогнали кровь и соки еще больше к голове. Тогда цвет лица ее, довольно уже красный, сделался изсиня-багровым...

Известно, что 4-го ноября 1796-го Екатерина в малом Эрмитаже была необыкновенно весела. Она получила чрез Любского корабельщика известие, что франц<узский> генерал Моро принужден был возвратиться за Рейн, и она о сем случае написала к Кобенцелю весьма забавное письмецо.* Она долго шутила со Львом Нарышкиным, покупая безделушки, им принесенные в карманах, и забавляясь, что он боится мертвецов, рассказывала весьма спокойно о смерти короля Сардинского, о которой она тот же вечер получила уведомление. Удалилась, однако, ранее обыкновенного, сказавши, что ей сделалось небольшое колотье от многого смеху.

На другой день она проснулась в свое обыкновенное время, позвала к себе не надолго Любимца; высказала несколько докладов от своих секретарей, последнему велела подождать себя в передней, сказавши что она его позовет. Сей дождался несколько времени: но камердинер Захар Константинов, беспокоясь что его долго не спрашивает ИМПЕРАТРИЦА, и не слыша ни малейшаго шума в спальне, отворил дверь; представьте себе его ужас, когда он увидел ГОСУДАРЬНЮ, лежащую навзничь между двух дверей, ведущих из ея алькова в... Она была уже бесчувственна и без движения. Бегут к Любимцу, жившему внизу; призывают врачей. У окошка разостлали тюфяк, на котором положили страждущую; тотчас принялись за кровопускание, за промывательные, и все пособия в подобных случаях; они несколько подействовали: она была еще жива; сердце у нее билось; но ни каких других знаков жизни. Любимец, видя сие отчаянное положение, велел известить графов Салтыкова, Безбородка и некоторых других. Каждый отправил особеннаго гонца в Гатчину к великому князю, Зубов же своего роднаго брата. Между тем дом ИМПЕРАТОРСКИЙ и весь почти двор ничего еще не знали о сем. В одиннадцать уже часов, время, когда обыкновенно входили к ней великие князья, стало известно, что она занемогла, и сие не прежде второго часа протекло в город; новость сию рассказывали друг другу с боязливою и таинственною осторожностью. Примечательнее всего было смотреть на двух придворных, совершенно знающих о случившемся ударе, как они взаимно себя вопрошали, околничали, сближались, отдалялись и, всегда, смотря один

---

* Поспешая известить Превосходительное Превосходительство, что Превосходительные войска Превосходительного двора на голову побии французов.

другому в глаза, входили в разговор, пока достигали страшной точки и могли уже говорить о том, что им было известно. Надобно пожить при дворе, особенно Российском, чтобы судить о важности сих дел и не находить подобные мелочи смешными. Месяца за два до кончины императрицыной, когда она ехала на бал к Самойлову, звезда неимоверно яркого блеску, покотившись с высоты воздуха, опустилась на другой стороне Невы. Многие суеверные люди сочли за весьма естественное происшествие, роковым предвестием смерти ЕКАТЕРИНИНОЙ; многие тогда о сем говорили, трясучись и весьма тихо: ибо смерть и ИМПЕРАТРИЦА суть два слова, которых никак не можно произносить в России вместе, под опасением стать преступником в богохулении и отваживать все свое благоденствие.

Между тем, те которым случай или должность подали возможность узнать о сем первым; торопились известить своих родственников и друзей; ибо смерть Е<катери>ны, каждый полагал временем, имеющим произвести важные в государстве перемены; и по причине свойств Павла, и по причине намерений ИМПЕРАТРИЦЫ в рассуждении его. И так нужно было заранее взять свои меры; по сему двор и скоро город сделались в колебании и ожидании самом мучительнейшем.

Пять или шесть гонцов, прибывши почти в одно время в Гатчину, не нашли там великого князя; который за несколько оттуда верст был со своим двором на вновь строимой им мельнице. Сие известие поразило его чрезвычайно, но оправившись скоро, учинил он множество вопросов гонцам, потом приказал готовиться к отъезду, и поспешил столько, что в восемь часов вечера был уже в Петербурге, переехавши шестьдесят верст в три часа. Двор нашел он в крайнем смятении. Присутствие его заставило собраться нескольких чиновников и нескольких придворных; прочие скрылись. Любимец, предавшись страху и болезнованию, ослабил вожжи Империи: вельможи, занимаясь будущим, устраивали свои дела особенно; все движения дворянские расстроились мгновенно, лишившись точки своего соединения, как колесные спицы изломавшейся ступицы.

Наконец, Павел, последуемый всем своим домом, вошел в покой своей матери, находящейся в совершенной бесчувственности, она все лежала на тюфяке, не подавая ни малейших знаков жизни. Великий князь АЛЕКСАНДР, его супруга, молодые княжны утопали в слезах и составляли около ее самую

трогательную картину. Великие княгини и все придворные не спали и не раздевались целую ночь, ожидая последнего вздоха ИМПЕРАТРИЦЫ: вел<икий> князь П<авел> с своими сыновьями часто входил к ней, дабы быть свидетелем ее кончины; следующий день прошел в подобном смятении и ожидании.

Павел, которого печаль не слишком удручала, занимался раздаванием повелений и всеми подробностями к своему восшествию. Он придавал сему своей жизни деянию такое же тщание, какое учредитель зрелища прилагает о своих щитах и машинах, да подняться занавесы. И на самом деле, смерть царствующего государя есть междудействие в комедии, особа его в сие время весьма мало занимает его приближенных и даже детей. Е<катери>на еще дышала, а занимались уже все одними переменами, имеющими последовать, и ее преемником.

Между тем мало по малу дворец начал наполняться офицерами, прибегающими из Гатчины; в наряде толико странном, толико новом, что они казались оставшими от бывшего века, или выходцами с другого мира. Горесть, страх и болезнование изображались живо на лицах царедворцев, они встречались бледны, обезображены и удалялись постепенно, уступая место вновь прибывшим. Бесчисленное множество карет окружали дворец и загромождали все к оному улицы, ожидая окончания сего великого происшествия. Выезд из города был для всех запрещен.

Вообще думали, что Екатерина скончалась накануне, но что для некоторых политических причин скрывали еще ее смерть. Истинное, однако же, было, что она все еще находилась в спячке, лекарства ей доставлены произвели естественные следствия; она еще пошевелила ногою и пожала руку у прислужницы; но к щастию Павла он не могла сказать ни слова. Около десяти часов вечера она вдруг показалась ободрившеюся, но начала реветь ужасно. Вся семья ИМПЕРАТОРСКАЯ прибежала к ней; но скоро должны были удалить княжен от сего страшного и нового зрелища. Наконец, испустила ЕКАТЕРИНА жалостный вопль, слышанный в ближних комнатах, и отдала свой дух после тридцатисемичасного томления...

Ежели бы кто вздумал судить о любви народа к монарху по впечатлениям, производимым его смертию, сего наблюдения совсем нельзя делать в России, разве двор принять за целое государство. Человек,

потерпевший наиболее смертью Екатерины, низверженный с высоты величия и власти в толпу, из которой он извлечен был одною ея милостию, был самый печальнейший: болезнование его даже казалось трогательным. Младые вел<икие> княжны, любившие нежно свою бабу, с которою они также более обходились нежели с собственными своими родителями, заплатили ей долг весьма искренними слезами: они почитали ее своим провидением и источником их благоденствия и их веселий. Госпожи и царедворцы, приближенные Е<катери>ны и пользовавшиеся ее милостями, чем она неизъяснимо была привлекательна, плакали об ней также сердечно. Девицы и молодые придворные господа сожалели об эрмитажных веселых вечеринках, о свободном обхождении, об веселиях, которые умела она вдыхать, и которым противопоставляли они мысленно солдатское вытягивание и вздорное чиновничество, имеющие скоро поселиться между ими. Россияне, умные и шутники, трепетали, что они принуждены будут чтить и слушать тех, над которыми они всегда издевались и которых они презирали, и что они должны будут подчиниться обрядам, которые были неисчерпаемым источником их насмешек и передражничанья. Служанки и слуги Ека<тери>ны оплакивали чистосердечно госпожу добрую и великодушную, которая нрав разный и тихий, свойство благородное и величавое весьма далеко были от ежедневных мелочных взысканий, растравляющих жизнь домашнюю. И на самом деле, ежели судить об Екатерине как об матери семейства, об ея дворе как о простом доме, об ея царедворцах как об ея домочадцах, она заслуживала сожаление и слезы.

Многие другие особы имели также вид бледный и отчаянный, но сии неспособны были плакать; они имели более виновное, нежели печальное, лицо, и их болезнование не относилось к Екатерине; я тут разумею всех тех, которые в ее царствование сделали свое щастие, и думали еще далее успеть. К сим же стеньшим должно причислить и тех, которые в перемене 1762 года отличили себя: они казались пробуждающимися от продолжительного сна; ужас и замешательство изображались в их чертах.

Что касается до народа, которому делают напрасную честь, называя его оселком царей, он в России есть самый грубый голыщ, попираемый ногами, как камни на улицах; ничто не можно сравнить с его равнодушием. Жители столицы находились в безгласном остоленении. Страх и всеобщее омерзение к

вел<икому> кн<язю> казалось оживляли в сие время любовь и сожаление о Екатерине.

Какие же скоропостижные перемены в столице столь блистательной, особливо при дворе таком веселом и вежливом: свобода, довольство и щегольство, там всегда царствовавшие, должныствовали уступить место несносному принуждению, скряжничеству чиновничанью. Командование офицеров, весьма похожее на лай с<обак>, шум от ружей и солдат, стук больших сапогов и шпор раздавались уже в покоях, где Екатерина только что уснула вечным сном. Траур госпож, чудаковские одеяния мужчин, странный язык, которым начали тот час говорить, перемены, непрестанно следующие одна за другою, делали удивительное замешательство; встречаясь, весьма знакомые друг друга не узнавали, вопрошающим не умели отвечать и говорящих не понимали. День Св. ЕКАТЕРИНЫ, скоро наступивший, до сего празднуемый с великою пышностию, заставил с большим еще ужасом и сетованием чувствовать пустоту сих, обворожения своего лишенных, палат; которые, бывши прежде театром празднеств и забав, скоро имели претвориться в караульную солдат.

В шестьдесят семь лет Екатерина имела еще остатки красоты. Волосы она носила всегда причесанные в древнем виде простоты со особливым вкусом; ни на одной голове, можно сказать, не блистала лучше корона, как на ее. Она была средняго росту, но дородна; и всякая другая женщина в ее виде не могла бы себя держать с толикою приятностию и величеством. В частном ее быту веселость и доверенность, ею внушаемые, кажется, увековечивали около ея молодость, игры и смехи. Вежливость в обхождении и ласковость вселяли ловкость в каждого, кто к ней допускался, и бывал при ее одеваньи; но коль скоро надевала она перчатки на руки для выходу в публичные покои, она принимала на себя вид и поступь совсем отличные. Из женщины любезной и шутливой вдруг она преображалась в ИМПЕРАТРИЦУ важную и величественную. Видящий ее в первый раз публично, всегда принужден был сам себе сказать: это точно она, это Семирамида Северная! Я видал ее чрез десять лет в каждую неделю один или два раза, и всегда с новым удовольствием. Внимание, употребляемое мною ее рассматривать, отнимало у меня возможность поклоняться ей с прочими; почитание, воздаваемое ей мною, удивляясь ея величеству, было без сомнения гораздо лестнее. Она имела

походку медленную и важную, чело возвышенное и светлое, взор спокойный и часто опущенный долу. Кланялась она с приятностию, но с улыбкою повелительною, которая являлась и скрывалась с ее приветствием. Она подавала руку целовать иностранцу с крайнею вежливостию, и обыкновенно приветствовала его несколькими словами об его путешествии и пребывании: но тогда-то расстроивалось согласие ее лица, и великая Екатерина на минуту казалась старухою; ибо, открывая губы, она являла рот без зубов и голос хриплый. Нижняя часть ее лица имела нечто жесткое и грубое; в глазах ее светлосерых изображалось лукавство, известный згиб в основании носа придавал ей несколько мрачности. Славный Лампи написал ее недавно весьма похожею, хотя много польстил: но Ек<атери>на, заметивши что он не пропустил несчастный згиб, была весьма недовольна, сказавши: «Лампи дал мне вид слишком важный и злобный».

Что касается до свойства Екатерины, я думаю, что должно его искать в ее деяниях. Царствование ее было блистательно и щасливо для нее и ее двора; но и конец особенно был весьма пагубен для народов и государства. Все части правительственной махины расшатались, все пружины ослабли: каждый генерал, каждый губернатор, каждый начальник стали особенными самовольниками. Чины, правосудие, безнаказанность продавались с молотка: около двадцати сатрапов под кровом Любимца, делили между собою Россию; грабили сами, попускали грабить доходы, и ссорились за добычи, отнятые у несчастных. Подлейшие служки, самые рабы наживали с неимоверною скоростью чины, достоинства, богатствы. Иной, имевши 300 рубл. или 400 рубл. жалованья, строил для себя подле дворца дом в 50 т<ысяч> рублей. Екатерина не только не изыскивала нечистаго источника сих скороспелых богатств, но еще утешалась, видя украшающуюся столицу в ее глазах, и одобряла непомерную роскошь мошенников, принимая сие доказательством благоденственного ее царствования. Никогда, ниже во Франции, грабеж не бывал ни столько всеобщ, ни столько удобен. Ежели кому поверялася сумма коронная для какого-нибудь предприятия, он начинал всегда присвоением себе половины оных, потом представлял, что сумма была недостаточна: и ему прибавляли, или предприятие останавливали. Большие воры делились с малыми, и всегда бывали оных сообщниками. Министр почти знал, что каждый подпис его

руки приносил его секретарю; и полковник без всякого зазрения пересказывал своему генералу, сколько доходов дает ему его полк.

Начиная с верховного Любимца до последнего пищика, все почитали государственные имения своими рудниками, из которых каждый вынимал для себя по силе, по умению, по возможности; иные же с таким бесстыдством пускались в хищение, как чернь на быка, выставяемого для нее в некоторые праздники. Орлов, Потемкин и Панин одни может быть занимали места с некоторою честностию: первые были честолюбивы, но не алчны; Панин имел дарования, любил отечество и был добр. Вообще ничто не было столько мелочно, как вельможи в последние годы Екатерины: без малейших сведений, без всяких видов, без воспитания, без необходимейшего понятия о честности, они не имели даже тщеславия являть себя честными, что к истинному праводушию есть как ханжество к добродетели; жестоки как паши, вымогальщики как перевозчики, грабители как корчемники, и продажные как б... Их можно было смело называть последнейшею подлостью в государстве. Их угодники, их творения, их слуги, даже их родственники не их великодушием обогащались, но хищениями, производимыми их именем и продажею их доверенности: в протчем их самих обворовывали так точно, как они обкрадывали казну. Услуги им делаемые, даже самые низкие, награждались государством: весьма часто их слуги, их шуты, их музыканты даже дядьки их детей получали свои жалованьи из сумм казенных. Одно средство быть им приятными состояло в том, чтоб быть или их шутами или их св<одниками> и один способ обогатиться – быть их именем мошенником.

От сего все люди занимавшие в сие царствование места, были люди, выползшие из ничтожества. Князья и графы рождались роями при торжествах Ек<атери>ны, и в самое то время, как их уничтожали во Франции, кроме Салтыковых ни одна семья из знатных не участвовала в милостях. Повсюду, кроме России, это была бы не великая беда, но в сей Империи еще должно почитать настоящею напастью, потому что древнее достаточное дворянство одно имеет некоторый род воспитания и честности. Сии же новички, как голодные пьявицы, наполнялись всегда чистейшею кровью государства и потом несчастных земледельцов. Переменять часто государей не есть для государства напасть, потому что оно есть наследство; но непрестанно переменять любимцов и министров, обогащающихся и уносящих свои сокровищи, можно истощить

самую богатейшую землю. Коликих миллионов стоило насытить двенадцать главных любимцов? Сколько долженствовало стоить обогатить и увельможить Безбородков, Заводовских, Морковых и толикое множество протчих? Орловы, Потемкины, Зубовы не богаче ли были многих королей? Их управители и казначеи не достаточнее ли были зажиточнейших частных людей?

Сколько правление Екатерины было тихо и умеренно подле ея особы, столько оно было тяжело и самовольно в отдалении. Человек, пользовавшийся прямо или побочно покровительством любимца, был настоящий тиран в своей губернии: он не боялся своих начальников, угнетал подчиненных, нарушал безбоязненно правосудие и указы.

Сначала политике, потом слабости Екатерины должно приписать сие расслабление и расстройство внутреннего правительства; но главная вина есть в порче нравов и свойств народа и собственно ея двора. Как женщина могла бы произвести то, в чем ни деятельна дубина, ни убийственная секира Петра I-го не могли успеть? Хищница Престола, который хотела она удержать, неминуемо долженствовала она ласкать своих сообщников: самым своим злодеянием они купили для себя безнаказанность. Будучи иностранка в Государстве, где она царствовала, она силилась спроститься с народом, принявши и даже лстя его вкусам и его предрассудкам. Екатерина иногда награждала, но наказывать никогда не умела; и одним попусциением злоупотреблений она могла только соблюсть для себя царствование.

Она имела две главные страсти, которые не прежде умерли как с нею: любление мужчин, переродившееся в распусту, и любление славы, обратившееся в тщеславие. Первая из сих страстей не делала, правда ея Мессалиною, но часто же выставляла в позор ея величество и пол: она к концу была по привычке то, что с начала по сложению. Вторая заставляла ее предпринимать дела похвальные, но никогда их не оканчивать, затеевать неправедные войны, от которых столько было ей славы, сколько доставляет оныя успеха.

Величие души Екатерины, сияние ея царствования, великолепие ея двора, ея установлении, ея памятники, ея войны, суть для России то, что век Людвига XIV для Европы; но Екатерина лично была более нежели сей государь. Французы прославили Людвига; Ек<атери>на прославила России. Она не имела преимущества царствовать над народом просвещенным и окружаться великими людьми. Она имела несколько пронырливых министров, несколько щасливых

генералов, но, исключая Румянцова, Панина и Потемкина, - ни одной умной головы.

Не то я разумею, что бы Россия не имела достойных людей; но Екатерина их боялась, и они всегда держались от нее далеко. Из сего можно заключить что все делала она сама, особливо добро. Да не распространяется с лишком ненавистная тень злоупотреблений и несчастий ея царствования, на частное свойство сея Государыни! Она казалась основательно человеколюбивое и великодушною: все приближенные ея могут сие подтвердить; все знавшие ея восхищались, обворожались ея разумом; все ея окружавшие были щастливы. Нрав ее был своеволен, но она сохраняла всегда известную пристойность в наружности; самые ее Любимцы ее почитали. Любовь ее никогда ни внушала омерзения; ниже ее тесное обхождение презрения: ее обманывали, оболъщали, но никогда ею не владычествовали. Ее деятельность, ее жизнь на правилах, ее умеренность, ее твердость, ее бодрость, ее трезвость суть качества нравственные, которые несправедливо было бы приписать ханжеству. О! сколько бы она была велика, ежели бы ее ум был столько же прав, сколько ее сердце! Она царствовала над россиянами гораздо с меньшим самовластием, нежели над самой собою: никогда не видали ее ни сердящуюся, ни печалющуюся, ниже слишком радующуюся. Прихоти, причуды ни за что не были вмешанными в ея свойство. Я не могу решить, была ли она точно велика, но ее любили. <...> Пороки Екатериныны, были пороки ея государствования, но не ея сердца. Та, которой дух возбуждал кроволитие Исмаильское и Прагское, при дворе своем казалася человеколюбием в лицах. <...> Тщеславие, сей пагубный камень предкновения для женщин, был им же и для Екатерины; и царствование ея всегда будет иметь клеймо ея пола.

Последние десять лет ея царствования вознесли на верх ея могущество, ее славу и может быть ее политические злодеянии. Фридерик, сей великий муж, диктатор для царей европейских, умирая оставил ее Деканисою над коронованными главами. Выключивши Иосифову и Густавову, все они вместе не стоили ея одной. Ежели Фридерик был диктатором, она сделалася над ними деспотом...

Но Революция Французская ,бывши толико пагубна королям, особенной вред причинила Екатерине. Сияние, скоропостижно вырвавшееся из недра Франции, как бы из пожирающего жерла, бросивши на Россию бледный как

молния свет, обнаружило в ней неправду, злодеянии и кровь, где прежде видели величие, славу и добродетели. Екатерина затрепетала от страха и негодования: сии французы, сии провозвестники ее славы, сии блистательные и льстивые повествователи, имеющие передать чудеса ее царствования потомству, вдруг стали для нее страшными неумолимыми судьями. Тогда исчезли призраки ее воображения: Империя Греческая, которую она хотела восстановить, законы, которые она хотела учредить, философия, которую она хотела внушить; науки и художеству, ею покровительствуемые ей сделались ненавистны. Екатерина, как и другие венчаные философы, науки столько любила, сколько они ей были нужны для прославления ее имени. Она желала их держать в своей руке как закрытый фонарь, и свет от их разделять по своей воле, также видеть, не бывши сама видимою; но вдруг пораженная их блеском она силилась их удушить. Будучи другом Вольтеру, последовательницею Бюффона, ученицею Дидро, старалась она с сего времени погружаться снова в невежество; но тщетно убегала она света: судьба ей судила, заснувшей на лаврах, проснуться на трупах: слава, которую думала она обнимать, преобразилась в ее царственных руках фуриею, и законодательница Севера, забывши свои собственные правила, свою философию, явилась старою Сивиллою. Ее подлые Любимцы, показывая ей повсюду Брутов, Якобинцов, отравителей, успели окружить ее ужасами и подозрениями. Слабоумие ее простерлось так далеко, что в своих манифестах называла она крамольниками, бунтовщиками короля, умножающего свои королевские преимущества, и шляхетство, улуччивавшее свое правительство: поляков называла якобинцами, поелику они не имели чести быть русскими.

Что бы она стала отвечать, ежели бы, в спокойное время, ей доказали, что она сама пособствовала и укрепляла Французскую Революцию, толико ненавистную в ее глазах? Это однако же правда. Ежели бы алчность ее не занесла ее броситься с таким остервенением на несчастную Польшу, ежели бы она не решилась заводить заговоры и бунты в Пруссии и Швеции, она бы не взбунтовала целую Европу против себя, и против всех королей, она бы не заставила Пруссака заключить скоропостижный мир, дабы быть в готовности против нее; она бы не озлобила Испанию употребляя против короля и католического дворянства те же оружие то есть ругательства, какими действовала она против французов. В сем случае Франция ей должна Статуэю: она обнаружила намерения ее врагов ненавистными, вздорными и глупыми для

самых монархов; она одинаково услужила республике как Демагоги своими излишествами и Питт своими проказничествами.

Екатерина не покровительствовала относительно наук в своем государстве: она из чванства покупала библиотеки, собрания картин; давала пенсии льстецам; льстила сама людям знаменитым, дабы иметь их своими трубачами; она охотно посылала медаль, или табакерку немецкому сочинителю, посвящающему ей какое-нибудь надутое сочинение; но надобно было идти из далека, дабы ей понравиться и иметь уже великое время, дабы удостоиться ее одобрения, особливо награждений; отличнейший ум мог роиться подле ее и не быть ею примечен, еще меньше одобрен. Между тем, ревнуя о всех родах славы, она восхотела, равняясь с Фридериком Единственным, сделаться писательницею: она издала славный свой НАКАЗ, много басен нравоучительных и иносказательных для своих внуков, довольно театральных сочинений и пословиц, которые играли и хвалили в Эрмитаже. Ее тщеславное предприятие собрать в один словарь несколько слов от трех сот различных языков, не совершилось.

Из всего того, что она ни писала, лучшим можно почтить ее к Вольтеру письма..

Вся Европа наполнилась похвалами, когда она обнародовала свой Наказ. Екатерина созвала депутатов от всех народов своей пространной Империи; и единственно для того чтоб им прочесть свое сочинение, и принять от них поздравление; ибо коль скоро совершилось сие от депутатов поклонение, они тот час были распущены по домам: одни лишась милости за свою неуместную стойкость, другие награжденные пожалованиями за свою догадливую подлость. Рукопись Екатеринина положена в драгоценный ковчег для показывания ее любопытным иностранцам. Составили некоторый род Комитета для сочинения законов; и когда Любимцы или министры не знали куда кого-нибудь из своих покровительствуемых девать, или когда желали шута иметь при себе не на свой счет, они назначали такового членом сего комитета для получения только оттуда жалованья...

Екатерина не любила ни стихов, ни музыки, и часто о сём сама говорила; в междудействиях не могла терпеть инструментов, и обыкновенно повелевала им замалчивать. Сей недостаток чувствительности в женщине, всем протчим достаточно одаренной, казался делом странным: он изъясняет как

Екатерина с толиким разумом и сведениями могла быть столь безстрастна и столь кровожадна. В столовой комнате Таврического дворца, когда она кушала, пред глазами ее находились две ужасные картины страшных убийств – Очаковского и Исмаильского; тут Казанова изобразил с отвратительною истинною струящуюся кровью, члены разстерзанные и трепещущие, остервенение убийц и судорожные томления убиваемых: на сих-то явлениях ужаса и омерзения глаза Ея и воображение останавливались, тогда как Гаспарини и Мандини пели или Сарти играл.

Ежели исключить путешествии знаменитаго Палласа, и изыскании исторические трудолюбиваго Миллера, и еще некоторые творения о естественной науке, ни одна книга, достойная быть известною не почтила царствования Екатерины...

Лучшая история об России, без сомнения, есть Левекова; но Екатерина не могла ее терпеть, столько же как и Абата Шаппа, точно за одну прямую истину...

Прежде смерти Екатериной, большая часть памятников Ея Царствования походила уже на развалины: законодательство, поселения, восстание, институт врачевства, фабрики, строения, гофшпитали, каналы, города, крепости – все было начато и брошено нескончанное. Коль скоро новое предприятие рождалось в Ее голове, она оставляла все, дабы единственно им заняться, пока новая мысль рассеивала прежнюю. Она бросила свое законодательство, дабы выгнать турков из Европы; после славнаго Кайнарджийскаго мира она хотела заниматься внутренним устройством Государства, но все бросила дабы сделаться Царицею Тавриды. Намерение, возродившееся в ней, - возстановить Трон Константинов – изгнано наказанием Короля Шведскаго. Похитить Польшу, потом сделалось у ней сильнейшею страстию, так что ежели бы тогда другой Пугачев приближался к Петербургу она точно не оставила бы своей добычи. Она умерла, замышляя снова разрушении Швеции, разорении Пруссии и снедаемая бешенством, видя Францию и Республиканизм торжествующими. Так-то она всегда восхищаема была новою страстию и обыкновенно сильнее предшествовавшей. От чего позабывала она совокупность и подробности своего Правительства.

В Царствование Екатерины много выбито медалей в честь строениям, из которых почти ни одно не окончено, а многие начатые брошены и уже

разваливаются. В календарях Петербургских показывается более 250-ти городов, построенных Ек<атери>ною; бесспорно, они именованы указами пожалованы в города, то-есть наименованы, и помещены на Российских картах, не существуя на земле.

Князь Потемкин, правда, построил несколько городов, но населить их не успел, хотя употребил все несправедливые средства; преславное Таврическое Царство едва имеет 100 т<ысяч> живых душ.

Страсть Екатеринина все начинать и ничего не оканчивать, подала случай Иосифу II сказать острое слово. Во время путешествия Его в Тавриду, Ек<атери>на предложила Ему сделать честь вновь заводимому Ею городу Екатеринославу положением второго камня в основание; а она положила первый с великими обрядами. Иосиф, возвратясь, сказал: Я превеликое дело совершил с Императрицею в один день; Она положила первый камень своего города, а Я последний.

Памятники Ея в Петербурге, могущие существовать, пока не поглотятся болотами, на коих построены, суть: великолепная кажется набережная на Неве и берега реки Фонтанки; конная статуя Петра Первого был бы отличнейший памятник в Европе, ежели бы намерение первое о нем было выполнено в точности: мысль поместить Царя на утесистом диком камне, как бы уже оный переехавшим, вместо обыкновенного подножия, без сомнения была нова и возвышенна, но выполнена весьма худо: утес, перевезенный из Финляндии, имел вышины 20 фут около 3-х сажень, длины 40 и покрыт был старым мхом на несколько вершков толщины. Отняли у него его образ грубый и вольный, заменивши правильностию; обрубали его, выгладили, уменьшили до половины его прежней огромности; теперь он представляет маленькую правильную горку, подавляемую большим конем; и Царь, который от туда долженствовал видеть свою Империю гораздо пространнейшую, нежели он ее мог сам воображать, едва может что-либо видеть в окошках сенатских первого жилья.

Везде славят великолепие, красоту Петербурга. Правда, есть в нем некоторые части красоты единственной; но его можно не худо уподобить обрисовке большой картины, на которой уже отделано чело Апполона бельведерскаго, глаза какого-нибудь ангела; но остальное едва означено смешанными чертами и точками.

Петербург, населен будучи различными народами, ничто не может быть многосложнее как нравы и обычаи его жителей. Вообще нельзя сказать какой общей тон в сем городе. Язык французский есть главнейшая связь сообщения между различными народами, но вообще говорят всеми равно хорошо. Ежели только собрание несколько многочисленно, тот час можно слышать разговаривающих тремя языками: французским, немец<ким> и русским; нередко также случается тут слышать Греков, Италиянцов и всех Европейских народов, даже Азиатских.

В Петербурге немцы суть художники и рукодельники, особливо портные и сапожники; Англичаны седельники и торгаши; Италиянцы зодчии, певцы и живописцы и проч. Об французах не лзя сказать в точности что они; иной, приползши слугою, вдруг становится учитель, потом советник и проч.; другой начинает комедиантом, превращается в дядьку, в купца, музыканта, офицера: нигде нельзя лучше приметить как в России, сколько француз легкомыслен, предприимчив, замысловат и на все горазд.

Дабы видеть нравы и свойства каждаго народа, должно сыскать возможность быть допущенным во внутренность домов; ибо по-русски живут только на улицах. У Французов, забавляются разговорами, шутками, ужинают весело, поют водевили и проч. У Англичан обедают в 5 часов, пьют чай, пунш, говорят о торговле; Италиянцы играют на инструментах, пляшут, смеются, говорят о театрах и художествах; у Немцов разговор о науках, курят табак, рассуждают, едят много и чиновничают; у Русских от всего сего по части и карточная игра в добавок; она душа их обществ и их веселий, но она не исключает протчих забав. Иностранец, особливо француз, удивляется, восхищается, проехавши неприязненные берега Пруссии и дикие поля Лифляндии, находя в пространной пустыне безмерной великолепный город, общество, веселия, художества, вкус, которые он думал существуют только в Париже.

Египтяне и Римляне употребляли побежденные народы на построение неподражаемых дорог, водоводов и протчих памятников их величия для общественной пользы; в наши времена, одна Россия могла бы затеять и производить подобные работы, поелику ея рабы не более луку ей бы стоили содержания; но великая Екатерина в сем была малая; она лучче употребила три миллиона на построение печальных мраморных палат для своего Любимца,

нежели бы провесть удобную дорогу между ея столицами; дорога для нее была вещь весьма обыкновенная.

О Екатерина! ослепляемый твоим величием которое я видел в близе, обвороженный твоими благотворениями, которые учинили толико щастливых, прельщенный тысячью любезных качеств, коим удивляются в тебе, я хотел воздвигнуть памятник твоея славы; но кровь человеческая пролитая тобою, совокупившись в яростный поток, притекает и его опровергает. Звук оков твоих тридцати миллионов рабов меня оглушает: неправда и злодеяние, царствовавшие твоим именем, приводят меня в негодование; я бросаю мое перо и вопию: да не будет впредь славы без добродетели! и пусть порок и неправда, ежели им должно возседать на Тронах, восходят на оные, увенчанные змиями Немезиды.

Se fini.

О Любимцах.

Елисавет Англинская, Мария Шотланская, Кристина Шведская, все Императрицы Российской и большая часть женщин, бывшие сами своими господами, имели Любимцев или любовников. Ставить им сие в злодеяние значило бы взыскателя слишком строгаго и невежливаго. Но Екатерина II-я одна, осуществляя басни царицы Ахемской, и подчиняя любовь, чувство и стыдливость своего пола наглým нуждам естественным, воспользовалась своею властью, дабы представить свету пример единственный и соблазнительный. Для удовольствования своего любострастия учредила она при дворе чин с житьем, с жалованием, с почестями, с преимуществами, и особливо с определенными должностями; и сия должность из всех исполнялась с величайшею точностию: кратковременное отсутствие, мало-важная болезнь иногда достаточными бывали, чтоб его заменить. Сия должность впрочем была одна, для которой Августейшая самодержица принимала более тщания в выборе особы и в рассмотрении ея дарований. Я думаю, что это без примера чтоб к ней определен был кто-либо не способный: и выключая промежуток между Ланским и Ермоловым, сие место не оставляла она никогда ни на 24 часа праздным.

Двенадцать главнейших Любимцев один за другим занимали сие место, ставшее знатнейшим в Государстве. Многие из сих временщиков, ограничиваясь главною должностию, которое сие место предписывало, и не имея других достоинств, кроме исполнения оной добропорядочно, имели весьма мало силы вне спальни, бани и будуара. Другие, изъязвивши честолюбие, дерзновение, особливо надежность на себя, получали неограниченное доверие и сохраняли преимущество над умом Екатерины, потерявши ея сердце, или отказавшись от ея крайних благосклонность.

Отличная черта свойства Екатеринина то, что ни один из ея Любимцев не навлекал на себя ея ненависти или мщениа: между ими же многие ея огорчали и нельзя сказать, чтоб она всегда их оставляла. Ни один никогда не был наказан, ниже гоним: вышедши из милости, уезжали обыкновенно в чужие края хвастаться ея благосклонностию и расточать ея сокровищи, потом возвращались наслаждаться покойно ея благодеяниями в недре своего отечества; хотя страшная их любовница могла бы обратить в ничтожество.

Надобно сказать правду, что в сем случае Екатерина кажется выше всех женщин волокит и похотливых. Происходило ли сие от величия души, или от недостатку страсти? Может быть она имела позыв, но никогда любви; может быть чтела она в своих любовниках благосклонности, коими их удостоила. Признаться должно, однако же, что часто любовника щитала она не далее как орудие сладострастия, которое она находила выгоднейшим, нежели м<o>рк<o>вк<a> употребляемая некогда жрицами Цереры, Сивиллы, Изиды и проч. и проч.

Салтыков, Орлов и Ланской похищены у нея смертию: протчие, переживши ея любовь, и с неудовольствия могли бы открыться слабости, или ея скверности, владели в тишине местами и богатствами, производя зависть в целой Империи. Она не более зделала как только отослала Корсакова, заставши его на собственной своей постеле с своею любимицею, и уступила Мамонова своей молодой совместнице. Вот черты истинно чрезвычайные, весьма редкие в женщине, в любовнице, в Государыне самовластной. Как она в сем случае великодушием и величием превосходит Елисавету Англинскую, которая рубила головы любовникам своим и соперницам, и Кристину Шведскую велевши умертвить своего любовника в Ея присутствии.

Но Екатерина, со всем своим благоразумием и умом, со всею наружною пристойностию, которую она так искусно играла, долженствовала очень знать и очень презирать Россиян, ежели она не совестилась возвышать так часто по сторону себя молодых людей из ничтожества, и выставлять их для почитания и поклонения целому народу, обнаженных всех других достоинств, кроме тех, коих бы она первая долженствовала стыдиться. Довольно было Ея любовнику переспать с Нею одну ночь, дабу на другой день занять место подле Ея на Троне.

Довольно показать как Зубов, последний временщик, был введен в сию должность, дабы дать понятие вознегодовать имеющим моим читателям, как сии дела отправлялись, и как Екатерина страмила свои леты, свой пол и свой сан.

Платон Зубов был порутчик конной гвардии, покровительствуемый Ник. Салтыковым, которому он был несколько сродни. Зубов говорил очень хорошо по-французски, имел несколько воспитания, казал разум гибкий и обработанный, говорил слегка о науках и знал музыку. Он был невеликаго

росту, но гибок, жиливат и довольно статен; лоб имел возвышенный, глаза прекрасные; и лице его тогда не было еще хладно, спесиво. Когда весною 1789 года Императрица по обыкновению своему хотела переехать в Царское Село, он просил своего покровителя быть назначену к командованию небольшого гвардейского караула, который туда посылался. Получивши желаемое, он обедал с Екатериною, какую честь и все караульные офицеры в Царском Селе всегда имели. Но не успел двор прибыть, как разрыв с Мамоновым случился: его женили и отослали. Зубов тогда нашелся тут один молодой офицер; кажется, что сему более щасливому обстоятельству, нежели обдуманному выбору Ек<атери>ны, обязан он сим преимуществом. По причине отсутствия Потемкина, Ник. Салтыков, находясь в доверенности, старался ввести Зубова тем с большею ревностью, что хотел его иметь своею подпорою против высокомерного Потемкина, которому он был один совместник при дворе. После нескольких разговоров в присутствии Салтыкова, он понравился и препровожден для дальнейших испытаний к фрейлине Протасовой, и лейб-медику Ройгерсону. Донесение о нем было благоприятно; он пожалован флигель-адъютантом; получил 100 т<ысяч> рублей на белье, введен на житье в покои Любимцев, с обыкновенными преимуществами. На другой день сей молодой человек подает руку Императрице весьма вольно, и одетый в богатый новый свой мундир, шляпа на голове с бриллиантовою петлицею с большим пером, последует своим покровителем и прочими вельможами Империи без шляп – накануне еще того дня он терся в их передних.

В вечеру, после игры, Ек<атери>на отпускала свой двор, отходила в свою спальню, последуемая одним Любимцем: часто в присутствии своего Сына и внуков. Вот как она безжалостно ругалась своим двором и делалась сама у всех презрительною; но Р<усские> весьма далеки от подобной щекотливости.

Наутрие старые Генералы, старшие министры толпились в передней нового Божка и все начинали пред ним ползать. Он был для них Гений, примеченный пронизательным оком Екатерины: сокровищи государственные ему отворялися; и ничто не могло сравниться с безстыдством Ек<атери>ны, разве подлость и позорные угождения Ея придворных.

Временщики или Любимцы Екатерины II-я.

1. Сергей Салтыков воспользовался по уверению некоторых даже Ее девством, поелику физические препятствия не пустили Петру третьему оное

иметь. В России его считают истинным отцом Павла. Он еще при Елисавете удален и умер в ссылке в своих деревнях.

2. Понятовский, он, бывши послом при Российском дворе, был любовником Екатерины. Всем известно, что она его сделала Королем Польским. Из всех своих любимцев, одного его Она находила удовольствие унижать. Праводушие и отчизнолюбие, казавшиеся на короткое время спорящими в его сердце с благодарностию Императрице и послушанием Ей, было злодеяние в глазах надменной Самодержицы. Она была снисходительная в любви, но непримирима в политике, поелику высокомерие была в ней сильнейшая страсть, и что любовница в ней всегда покорствовалась Императрице.

3. Орлов, милость к сему была столько продолжительна и столько блистательна, и история его так существенно соединена с историею Екатерины, что казалось он разделял с нею Престол, возведши Ее на оный. Хотя он был молод и дороден, но брат его Алексей был ему в первых годах помощником у ненасытной Екатерины, бывшей тогда в самом соку своих лет. Она имела от Графа Орлова трех детей: одного сына, известного под именем Бобринского, и двух дочерей, воспитанных Протасовою под именем своих племянниц. Для сего-то знаменитого Любимца Она построила мрачный мраморный дворец. Для него же выбита медаль за путешествие в Москву во время бывшей там чумы: он тут представлен как Курций, низвергающийся в бездну; но не в сию бездну погружаясь, наиболее угодил он Екатерине. Двенадцать лет наслаждения и высокомерие сего любовника утомили, наконец, Екатерину, утвердившуюся уже на престоле; и по долгой борьбе Потемкин одержал верх. Торжество его соперника, непостоянство Екатерины, которую он называл громогласно неблагодарною, произвели такое над ним действие, что он потерял напоследок и здоровье и разум. Надменный, мочный, блистательный Орлов умер в ужасном сумасшествии, пачкая лицо своими извержениями и едя их как второй Езекииль.

4. Васильчиков. Сей весьма мало был и весьма мало значил, занимая только промежуток между двумя гордыми соперниками. Он-то был одно подлое орудие; морковка сладострастной Екатерины.

5. Потемкин. Сей, по долгой борьбе одержавши верх над Орловым, почти насильно занял место своего предшественника. Его страсть, его смелость и его огромный рост прельстили Екатерину. Он один из Любимцов осмелился

быть в нее влюбленным, и первый открыл Ей свою страсть, что до того и потом всегда она долженствовала сама делать: он казался даже воистину и романически воспламененным. С начала он обожал свою самодержицу как любовницу, потом любил Ее как свою славу. Сии два великие свойства казались как-будто рожденным одно для другаго: они еще любились и почитались, хотя перестали быть влюбленными; и политика, и честолюбие их соединяли, когда любовь разрешила.

Подробности жизни Потемкина публичной и частной завели бы меня очень далеко; к тому же об нем много уже писали. Я только прибавлю: он созидал, или разрушал, или смешивал все, но он все же и оживлял... Вельможи, его ненавидевшие и игравшие какое-нибудь лицо во время пребывания его в Армии, казались при его взоре вползающими в землю и уничтожающимися пред ним. Князь Де Линь сказал истину: «в сем свойстве есть гигантское, романическое и варварское». Смерть его произвела ужасную пустоту в Империи, и сия смерть также была чрезвычайна, как и его жизнь. Он провел около года в Петербурге, предавшись всем родам веселий и даже распусты, забыв свою славу и тщеславясь своими богатствами и своею доверенностию с наглой пышностию. Знатнейших вельможей Империи принимал он как своих слуг, едва удостоивал своим взором Павлика, в покой Ек<атери>ны приходил иногда босоногий, с растрепанными волосами и в халате. Старик Репнин воспользовался его отсутствием в Армии, побил Турок и принудил их заключить мир, сделавши сим в два месяца более, нежели Потемкин в три года. Сей, желая всегда продолжать войну, пробуждается от сего известия и отъезжает в Молдавию; но смерть поселилась уже в его крови. Приехавши в Яссы, которые давно уже были его главною квартирою или, лучше, его столицею, его двором, он становится, мрачен, задумчив, снедаем тоскою, нетерпелив от болезни. Он принимается с нею бороться и надеется ее победить своим железным сложением: издевается над врачами, ест соленые мяса и всякую сырость. Болезнь усиливается, он велит перевезти себя в Очаков или Николаев; но едва отъехал несколько десятков верст, начинает чувствовать, что он душится в карете; велит себя вынуть из оной. Разстилают плащ подле дороги, ложится на него и на руках своей племянницы Броницкой испускает дух. Екатерина по получении сего известия трижды была в обмороке; Ей пустили кровь; боялись чтоб Она не умерла; Она почти столько же была печальна, как

при смерти Лансаго. Она не любовника уже теряла, но друга, дух которого совмещался с Ея душою, которого она почитала подпорою своего престола и исполнителем Ея огромных предприятий. Екатерина, занимая похищенный Трон, ненавидимая своим Сыном, была женщина и робка. Она привыкла видеть покровителя в Потемкине, коего щастие и слава были соединены столь хорошо с ея благоденствием. Она, казалось, начала чувствовать себя Иностранкою, и стала бояться своего сына...

Какое позорище, какое научение представляет смерть трех величайших особ в России. Орлов, царствовавший 12 лет подле Екатерины, разделявший с Нею Ея Трон и постелю, - оканчивает питаясь своим калом, и умирает в жалостном сумасшествии. Потемкин, мочный великолепный Потемкин, основатель толиких городов и палат, завоеватель Царства, издыхает на большой дороге. И сама Ек<атери>на, упавши в С..., предает свой дух на полу испуская жалостный вой.

Потемкин отличается от всех Любимцев тем, что, потерявши сердце Императрицыно, он не потерял Ея доверенности. Когда честолюбие заменило у него любовь, он оставался всегда одинаково нужным, и чрез него-то новые любовники доставлялись его прежней любовнице. Все временщики, ему наследовавшие, были его подчиненные.

6. Завадовский. Недолго пользовался, но остался при делах как человек способный и нужный.

7. Зорич. Сперва покровительствуемый Потемкиным, он ослеплял всех своею красотою, особливо женщин. Поссорившись с Потемкиным и звавши его на дуэль, был отпущен Ек<атери>ною, прещедро награжденный именем.

8. Корсаков. Род щоголя Руссаго, из гвардии сержантов прямо на постелю Императрицы вознесенный, был неблагодарен, или неверен. Ек<атери>на сама застала его на своей постеле с Графинею Брюсовою своею поверенною. Остолбеневши, Она удаляется, не желает больше видеть ни любовника, ни приятельницу свою; вот все мщение, какое Она сделала им.

9. Ланский из кавалергардских капралов. Сей был из всех любимцев любимейший. Был пригож, статен, тих. Говорят, будто Потемкин его отравил, ибо он умер в ужасном колотье. Тщетно Ек<атери>на своею особою принимала об нем нежнейшие попечения; Ей только осталось печальное утешение видеть его, издыхающего в Ея объятиях. Она не выходила несколько дней из своих

комнат, предавшись отчаянию. Она винила небо, хотела умереть, перестать царствовать, и клялась более не любить. Вдова печальная и благопристойная, Она носила траур по своему любовнику, и, как новая Артемида, построила ему Мавзолей в Царском Селе. Более года пропустила, его не заменяя, и как вторая Ефесянка, Она дала ему самого недостойного преемника.

10. Ермолов. Самый непригожий из всех Ея любимцев утешил Ее первый в потере пригожаго нежнаго Ланскаго. Он не понравился Потемкину, и высокомерный временщик требовал и получил, чтоб любимец был удален.

11. Мамонов. Его заменил; бывши любезен и просвещен, он понравился, полюбился и был бы долго любим, но ему самому скоро наскучили засохшие прелести его шестидесятилетней любовницы, у которой с летами, кажется прибывала Ея похотливая ярость. Он влюбился в княжну Щарбатову, фрейлину, имел смелость в том признаться и попросил позволения на ней жениться. Екатерина была столько великодушна, что согласилась на прошение, и столько горда, что не сделала ни малейшего выговору. Сочетала их браком, наградила именем и отпустила в Москву.

12. Зубов. Мы видели вначале сей главу, как он сделался последним любимцем Ек<атери>ны. Ему было менее 25-ти, а Ей более 60-ти лет. Она поступала с ним как с любовником и как с сыном, занялась сама его воспитанием, прилеплялась более и более к своему творению, которое стало Ея Божком. Между тем Ея похотливые сладострастии еще не погасли; вдруг вздумала Она возобновить мерзости, деемые некогда с братьями Орловыми. Валериан, брат П. Зубова, моложе и дороднее его, и дюжий Петр Салтыков, их друг, присоединены были к Платону, для смены его в рысталище толико пространным и трудном. С сими-то тремя молодыми повесами, Екатерина, старая беззубая Ек<атери>на, провождала дни и ночи; тогда как Ея Армии били Турок, резались с Шведами и опустошали несчастную Польшу, тогда как Ея народ умирал с голоду и бедности и был пожираем грабителями и мучителями.

Тогда-то составила Она себе теснейшее общество из своих Любимцев, придворных Госпож и Господ, наиболее доверенных. Сие общество собиралось два или три раза в неделю под именем Малого Эрмитажа. Тут часто бывали в масках и с величайшею вольностию; тут представляли пословицы, играли в разные игры: словом тут было позволено всякое веселие и все.

Лев Нарышкин был сего общества Рокелор, то есть шут; и пожалованная дурую Матрена Даниловна его была помощницею; это была старая болтунья, которой все достоинство состояло в сказывании грубейших шуток: как Она имела право по образу всех шутов говорить все и всем, за сие нижние придворные не худо Ее дарили. В сей же Эрмитаж допускались и некоторые более уважаемые иностранные посланники: как-то Сегюр, Кобенцель, Штединг и Нассау; но напоследок Екатерина образовала другое собрание, еще теснейшее и тайнейшее, именуемое малым обществом. Три Любимца, о которых мы говорили, Браницкая, Протасова и еще несколько женщин и доверенных слуг были единственные его члены. В нем-то Северная Сивилла праздновала свои тайные таинства. Писать о всем происходившем в сем обществе я считаю излишним. Признаюсь, что имел о всем любопытнейшем записки, но, устыдясь сам скверностей, в них написанных, и их сжег в добрый час, боясь искушения, чтоб в худой их не выпустить в свет. К тому же читатели ничего сим не теряют; соблазнительных писаний об Ек<атери>не есть великое множество; те которые их могут иметь, легко поверят, что Ек<атери>на столько же была Философия, сколько и Терезия.

Я бы мог равномерно увеличить сие сочинение титулами, достоинствами, приименованиями каждого Любимца, но сие не стоило бы труда и произнеть. Довольно известно что Ек<атери>на преобременивши своих Любимцев всеми чинами, всеми титулами, всеми орденами своей Империи, выпрашивала им еще в Вене дипломы на Графствы и Княжества Св. Римской. Ордена же Польский и Прусский украшали Любимцов временщиковских. Потемкин и Зубов весьма много походили на торгашей лентами и побрякушками, когда они возлагали на себя все свои украшения.

Я не стану рассказывать о пожалованиях деревнями и подарках, которые определялись Любимцам: ибо о сем известно только вышедшее в публику под видом награждений. Как бы сия сумма ни казалася чрезмерною, но она никак не может равняться с тайными дачами. Кто может щель, что Орловы, Потемкины и Зубовы приобрели? Не черпали ли они из Государственных сокровищ, без дачи отчету; и не покупали ли у них и у их приближенных мест, чинов, правосудия и безнаказания; даже союзов, войны и мира?

Читая сии записки, не придет ли кому в голову, что это соблазнительные сказки из тысяча одной ночи, или что это мечтательное изображение

Семирамиды Ассирийской, около которой для шутки помещены Российские чиновники? Столько безстыдства, наглости и подлости в конце 18-го столетия, во времена, когда философия не только словом, но уже и делом открывает глазам людей свет истины, пред лицом целья Европы, покажется каждому невероятным. Не мечтаешь ли и тебе о Р... что это ложь выдуманная из злости завистниками великия, премудрыя твоя Государыни? Ах! как бы я желал, как бы я был рад, ежели бы я мог самого себя уверить, что все здесь мною написанное я видел в мечтании; что я, как один из семи Ефесских отроков, или, как второй Евменид, десять лет моего в Петербурге проспал, и все сии страшные, мерзкие, невероятные дела видел и слышал во сновидении. Но нет, здравый смысл освещаемый лучем истины проникает всего меня; я чувствую во глубине моей души, что я был очевидцом многого, и что все мною написанное есть самая истина. Многое еще можно и должно бы однародовать, но, я щитаю, и сего довольным для воспаления благородного сердца негодованием к безчестной, лютой, кровожадной бесстыдной б..., к Ея гнусным, алчным наложникам и к раболепственнейшей подлости терпевших и поддерживавших подобные мерзости. О! Екатерина, как мелочны, ничтожны все твои деянии и хвалимые качества, когда их сравнить со злом, причиняемым от тебя несчастному человеческому племени.

Перевод В<инско>го. 1802. № 2.

После убийств мужа, Ивана, несчастной Италианской Княжны и хищения престола, наивеличайшее злодеяние Е<катерины> было может быть Ея поведение в разсуждении Ея Сына. Жена-убийца без сомнения не могла быть доброю Матерью, но Она обязана была большим вниманием к тому человеку, коего именем Она царствовала 35 лет. Говорят (что однакож весьма трудно утвердить), что в юности он имел изрядные качества, которые совершенно пропали за недостатком воспитания. Уверение, что ненавидела Она своего собственного Сына, потому только, что он был сын П<етра> III, есть, конечно, загадка, которая однако же, не так-то трудна для решения. Правда, что Отец его еще при жизни своей отрекался; правда, что Мать Его отвергала; правда что Он не имел ни из Его, ни из Ея черт ниже единой малейшей. Удалением от себя и всех родов унижениями Она успела его ожесточить, сделать недоверчивым, суровым, вздорным, подозрительным и лютым...

Смерть захватила Екатерину неожиданно Ею. Всем известно, кто знал Ея двор, и ненависть существовавшую между Императрицею и Ея наследником, что Она всегда питала желание иметь другого преемника. Ужас помыслить о своем конце, и об окончании своего Царствования, чего Она еще более боялась, и смерть Потемкина, воспрепятствовали исполнить сие предприятие, пока было время, или утвердить оное духовным завещанием <...>, П<авел> может быть не царствовал бы. Ненавидимый всеми, кто только Его знал, кого бы Он имел на своей стороне? и каким правом Он мог бы подкрепиться? Когда Рос<сияне> не имеют никаких прав, их самодержцы еще меньше: со времен П<етра> I, который присвоил себе власть назначать своего наследника, Престол Царский всегда почти занимаем был хищниками, которые низвергали один другого не с меншею жестокостию, как и Оттоманы. Е<катерина> I восходит на престол по милости Меншикова. П<етр> II Царствует по духовной: Анна избрана Советом, Сенатом, войском; Иван Императором по указу Анны; Елисавет низвергает Ивана, заключает Его и Его родителей в вечную неволю. И<ван> III Царствует по милости Елисаветы; Он низвергается и умерщвляется своею женою которая имея нужду в большей власти для произведения больших беззаконий, восходя на трон, обнародывает, что сам Бог призывает ее на оный; убийца своего

Супруга, Она повелевает еще умертвить Ивана и дочь Императрицы Елисаветы, своей благодетельницы. Марок (?) один мог бы представить явлению столько отвратительные кровопролитием и варварством; с тем еще различием, что там не женщины производили сии лютые убийства. Ужасный вопль, испущенный при издыхании Екатериною, провозгласил Павла Императором и Самодержцем всероссийским. Супруга Его была первая, которая пала к Его стопам для засвидетельствования своей покорности со всеми своими детьми; Он поднял Ее, обнял Ее и детей обнадеживая их всех своими Императорскими и родительскими милостями. Двор, знатнейшие чиновники воинские и гражданские простерлись также у Его ног, принося свои поздравления и клятвы. Гвардия и прибегающие из Павловска и Гатчины Его батальоны приведены также к присяге. Император поехал в Сенат для принятия там ее лично и сия ночь протекла с совершенным спокойствием. Первые Его поступки, коих наиболее опасались, казались облегчающими тот час свойство жесткое и вздорное, какое в Нем знали. Он долго терпел от злоупотреблений и беспорядков придворных; Он был в школе несчастий, в горниле, где великие души очищаются и укрепляются, а малые выдыхаются: зритель, удаленный от дел, исследователь намерений и поведений своей Матери, Он имел тридцать лет свободного времени образовать себя.

Не только не подражал поступкам своей Матери касательно Его, но окружился тот час своими сынами; поверил каждому из них полк Гвардии; большего, провозгласивши Цесаревичем и своим наследником, сделал С.-п.-бургским военным Губернатором – место важное, прилепляющее молодого Князя к особе Его Отца. Первые Его поступки с Императрицею, которые оплакивали участь и положение, удивили, восхитили всех: Он, совсем простив Ее, переменялся; назначив Ей знатные доходы, умножил содержание своих деяний, ущедрил Ее фамилию благодеяниями и ласками.

С Любимцем поступил также весьма великодушно. Он казался тронутым его печалию и, благодаря его приверженность, являемую Его Матери, Он подтвердил его в должности весьма лестными словами, возвращая ему трость Генерал-Адъютанта дежурного: «останьтесь в сей должности при особе моей Матери; Я надеюсь, что вы Мне будете служить, также верно, как и Ей».

Первый указ возвещал Его миролюбивые намерения, и особенно обязывал к благодарности дворян; поелику оным уничтожался начатый уже набор рекрут.

Каждый час приносил мудрую перемену, правдивое наказание заслуженную милость: двор и город, чудясь, не знали, что о сем подумать. Ежели не политика, страх и радость внушали Павлу первые приемы, Он бы мог казаться два или три часа достойным унять злоупотребления и восстановить порядок. Начали думать, что обманулись в Его свойстве; каждый поздравлял себя и друг друга, что страхи их были напрасны; но Он весьма скоро заставил снова им предаться. Скажем, однако же, еще несколько добрых Его деяний, подавших сначала крохотную надежду о благополучном Его Царствовании.

Первые два политические шаги Павла внушили доверенность, и остановили почти известные две пагубы, затеянные Ек...ною для Государства: Она восхотела прямо действовать против французов, послав помощь Императору и нападши на Пруссию, дабы пушками и штыками возвратить ее к Рейну драться с французами; не имея же в наличности денег, Она приказывала усугубить цену тогдашней монеты. Он первым манифестом отказался от войны и вторым велел переделать монету, учредивши ей как высокую пробу, так и порядочную цену. Он разорвал равномерно договор о пособиях с Англиею, негодуя чтоб ему быть на жалованьи Питту, как какому-нибудь маленькому Князьку: скоро стало известно, как Он во всем сем устоял.

Поступь Его с храбрым но несчастным Костюшко, была бы одна из благороднейших, ежели бы побуждением к оной было Его великодушие. Но сие весьма известно, что Костюшко обязан своею свободою ненависти Павловой к его Матери и Его старанию действовать во всем в противность Ея намерений.

Погребальные почести Матери, к которым Он присоединил и своего Отца, произвели во всех неимоверное удивление: все что Он ни делал при сем случае, должно относить к Его тщанию заплатить своей Матери, хотя безчувственной, за досады досадою; включить П<етра> III, хотя и мертвого, в число настоящих Российских Самодержцев. Лучшее, что Он мог придумать, было: велеть Алек. Ор<л>ову следовать за гробом своего Отца.

Вот все добро, которое учинил Павел в первых днях своего Царствования; я Его собрал вместе, хотя оно выходило из Его головы между

бездною насилий, вздоров, мелочей, совершенно их затемнявших; теперь приступаю к сим.

Гвардия, сей опасный корпус войск, низвергнувший Отца, и который возшествие на престол сына почитал всегда своим нещастием, была, с первого дня, смелым и сильным приемом, приведена в несостояние Ему вредить, и с нею поступил Он без малейшаго уважения. Сей отважный поступок состоял в нижеследующем: по всем гвардейским полкам Он разместил свои Гатчинские баталионы, распределивши в каждую роту своих офицеров так, что произведши их вдруг чрез два, а некоторых чрез три чина, они увидили себя капитанами Гвардии. Все прежние офицеры, будучи из первейших семейств в Империи, нашлись из их рот капралами и сержантами в Гатчинские баталионы. Перемена толико опрометчивая и отважная, во всякое другое время была бы гибельна ее затеявшему, сделала на сей раз только, что принудила некоторых офицеров и унтер-офицеров итти в отставку: особливо тех кои имели чем жить без службы. Многие, однако же, из молодых офицеров оставили свои блистательные прежние мундиры и надели чудаковские, над которыми они прежде шучивали. Но, увидя великое множество идущих в отставку, Павел встревожился и взбесился; приехал сам в казармы, начал льстить солдатам; уговаривать офицеров; удерживать их угрозами, что идущие в отставку не будут приняты ни в гражданскую, ни в военную службу, что им запрещено будет носить мундиры. Потом издал Он смешной и жестокий приказ: «каждый обер и унтер-офицер, вышедший в отставку, должен непременно в 24 часа выехать из столицы на свою родину». Павел не подумал, что многие из таковых имели свои дома в Петербурге и что им выезжать было не для чего. На доклад о сем Архарова последовало повеление поступать по точной силе Приказа; по сему многие из сих нещасных схвачены полунагие, вытащены из своих домов, вырваны из объятий их семейств и выброшены за город, посреди всей жестокости зимы.

Сии жестокие меры разпространены по всем офицерам Армейским и даже Генералам. Уверило же более всего, что радоваться в Павле долго нельзя, было то, что мелочи, производимые им в своих Гатчинских баталионах, когда Он был Вел<иким> Князем, принялся Он исполнять и с первых, сделавшись Императором. С самага утра первого дни своего возшествия, Он занялся мельчайшими подробностями, которые намеревался ввести в своих полках. Дворец в минуту восприял вид завоеванного места приступом иностранными

войсками, столько вступившие на стражу различествовали от прежних своим одеянием, видом и речью. Сошедши на улицу, Он три или четыре часа учил своих солдат, как сменяться по Его наставлениям и как держать вахтпарад, который с сего часа сделался установлением самым важным и средоточием Его правления, наложивши на себя долг не пропускать ни единого дни не присутствуя на оном. Там, окруженный своими сынами и своими адъютантами, постукивая непрестанно ногами, дабы согреться, с обнаженною лысою головою, нос вздернувши, подымая и опуская трость в меру и крича раз-два, раз-два, Он поставлял своею славою бороться без шубы с холодом от 15 до 20 степеней.

Первые впечатления боязни и радости, притупившись в сердце Павло<во>м, Он пустился наказывать и гнать с толикою же скоропостижною, как расточал благотворении.

Невзирая на обнадеживание, только лишь сделанное им Зубову, первым после того повелением приказывает запечатать его и Моркову канцелярию и изгнать с посрамлением из города с посрамлением из дворца их офицеров и секретарей. Терский Генерал-рекетмейстер, хотя явный грабитель, разжалован и сослан без суда. Самойлов Генерал-Прокурор, прежде честно подтвержденный в его должности, чрез несколько дней сменен другим, посажен под стражу, а его секретарь в крепость. Наконец все таким образом переновил, кроме Н. Салтыкова, Безбородка и Архарова.

Сие колеблющееся и ненадежное поведение, ознаменовавшее первые поступки Павла, доказало ясно, что милости, им явленные, должно приписывать его политике, не милости же, более Его мстительности, нежели правосудию. Но более всего привело в замешательство удивлявшихся Ему, когда увидели, что в самое то время, как Он вступал в дела государственные, толико запутанные и смешавшиеся от Его возшествия на престол еще более и важность которых долженствовала бы Его занять хотя несколько дней, когда увидели, как Он с одинаким воспламенением занимался мельчайшими подробностями воинской службы (вид шляпы, вышина гренадерской шапки, сапоги, штиблеты, косы и портупей) сделались Государственными важнейшими делами, для поглощения удивительной Его деятельности.

Другая странность: Императорский Приказ не носить круглых шляп или неожиданное повеление их отнимать и рвать – сие произвело великое число жалко-смешных явлений по улицам, особенно около дворца. Козаки и

полицейские бросались на прохожих для отнятия шляп, и били тех, кто, не зная Приказа, осмеливались себя защищать. Многие из иностранцев были обижены, обруганы, изувечены; для сего на другой день обнародовано, что иностранцы, не служащие, или не подданные, выключаются из сего запрещения. Сие, однако ж, не помешало новым замешательствам; не стали у иностранцев отнимать шляп, но водили каждого в Полицию доказывать о себе, что он не Русской.

Другое повеление, равномерно странное и непостижимое, было не ездить никому с русскою упряжкой. Отсрочивалось на две недели, чтоб каждый мог запастись шорами; протекшу же сроку, Полиции приказано было обрезать у всех русскую упряжку. Седельники воспользовались сим случаем, заставивши себе платить до 300 рубл. за пару простых шор. Угнетение так далеко простерлося, что многие начали збывать экипажи и лошадей; Император с досадою принужден был переменить сей приказ на простое приглашение мало по малу заводить немецкую упряжь, кто хотел удостоиться его благоволения.

За сим последовало тягчайшее возобновление древняго чиноположения о встречающихся на улицах с самодержцами Российскими и их домом: всяк должен остановить свою карету или лошадь, сойти на землю и кланяться. Сие воздаяние чести, варварское и трудное к произведению в большом городе, где стечение экипажей безмерно и езда чрезвычайно скоро, в вежливое Царствование Екатерины было совсем уничтожено. Павел приложил все свое старание возстановить его во всей строгости, какой бы степени и знатности ни был тот, чей экипаж не успел бы остановиться и зделать предписанное почитание; людей его тот час отводили в военную коллегию для определения в солдаты; лошадей отдавали под Артиллерию, а самага Господина сажали в крепость. От сего встречи Павловой боялись как самого большого нещастия, и старались всевозможно оной избегать...

Чиноположение при дворе или во внутренних покоях, зделалось столько же строго и ужасно. Беда тому, кто, допущенный лобзать руку Павла, становился тихо на колени, или прикладывался так, что рука его не крепко чувствовала лобзание. Князь Юрий Голицын, Камергер, арестован собственною высокою особою Императора за то, что при лобзании руки поступал нерадиво.

В первых же приказах его велено над всеми лавками стереть слово магазин для той причины, что сие название может приличествовать одним Императорским магазейнам как то: хлебным, соляным, винным и проч.

Надобно написать весьма много и войти в мелочи самые скучнейшие, ежели бы показать все повеления сея силы и важности, которые непрестанно выходили, одно за другим, чрез целые восемь дней. Что говорить, чего надеяться от человека, который, наследуя после Екатерины, считает сии дела самыми нужнейшими ко учреждению. Часто сии важные новые узаконенные противоречили сами себе, или мешали одно другому, и он принужден был переделывать, или отменять на другой день то, что обнародывал накануне. Одним словом можно сказать, что Павел, завернувшись весь в Императорскую порфиру, выставил одни уши Вел<икого> Князя, и что он хотел управлять пространною Империею, как он правил своим Павловским.

Я не упомяну ничего о преобразовании Армии; чудесности в ней введенные довольно всем известны.

Перемены по гражданской части также многочисленны, ибо он не улуччивать, но только переменять старается. Довольно чтоб что-нибудь существовало при Царствовании Екатерины, дабы оно было истреблено при нем. Все присутственные места, все губернии переделаны, многие переведены, переименованы, а другие совсем уничтожены. Екатеринославское Наместничество, точно покойною Императрицею устроенное, населенное, совсем приведено в затмение... Революция Французская не столько причинила беспорядков, все перерождая, сколько возшествие Павлово на престол, все переделывая. Более 20 тысяч чиновников потеряли места.

При начале сего Царствования не одни войска и бедные дворяне потерпели, несчастные крестьяне имели также свою долю, которых тяжелые оковы Павел прилагал попечение еще крепче склепать. Ежели что заслуживало быть перенятым от Пруссии, то, конечно, поступки Короля в разсуждении несчастных Польских крестьян, доставшихся ей в удел.

Слух разнесшийся, что Павел хочет ограничить власть помещиков над их рабами и учредить их работы и доходы от них как с коронных, произвел повсеместную радость. В сие время один офицер Федосеев, едуший из Петербурга к своему полку в Оренбург, по дороге, как обыкновенно случается, был крестьянами вопрошаем об столичных происшествиях; он рассказывает, что видел, и сказывает что слышал об указе, имеющем быть скоро обнародованным касательно крестьян. От сего разносится молва, и несмысленные хлебопашцы в Твер<и> и Новгород<е> пуцаются в

необдуманную радость; начинают по обыкновению русскому питьем, шумом, драками, непослушанием изъяслять свое преждевременное веселие. Помещики принимаются их усмирять строгостями и жестокостями; сие доводит до явного неповиновения. Открывают причину их заблуждения. Для усмирения их посылаются Репнин с войсками; офицер же, производитель сея ложные надежды и рассеявший ее невинно, догнан, закован в железы, возвращен в столицу как заводчик бунтов и проповедник вольности. Кто может слушать, не содрогаясь от негодования; Санктпетербургский Сенат приговорил его к смерти; но как смертная казнь тогда еще была не введена, он осудил его разжаловать, высечь кнутом и послать вечно в работу, ежели останется он жив после наказания. Павел подтвердил сие лютое осуждение. Вот первое уголовное дело, которое увидели обнародованным; Сенат не устыдился называть правосудием и законным суждением дело самое кровожадное, которых, конечно, немало случалось и при Екатерине, но в тишине и тайне, коими обыкновенно покрывается злодеяние.

Самое разительнейшее из смешных, пристрастие, которое он с юношества имел и всегда его умножал, одевать и учить ружьем солдат. Сия страсть не более означает великаго Генерала, как раздеванье и одеванье куклы не может означать доброй матери. За сим должно бы поместить все предшествовавшее и последовавшее возведению им себя в достоинство великаго Магистра Ордена Мальтийскаго; но о сем надобно бы составить особое не малое описание. Окончу безпристрастным суждением, что все, что ни было сделано им сначала похвальнаго, должно приписывать его политике и К. Куракиным, все же худое и смешное его сердцу и уму.

Сравни, кто хочет, указ Павлов, повелевающий всем своим подданным повергать себя в грязь и пыль при его воззрении, с повелением юнаго Короля Пруссака, возвратившаго из своих польских провинций; сей указ дан недавно его Министрам Фоссу и Шретеру: «мои любезные Министры! во время проезда моего по новым прусским провинциям я видел, что последнее отделение моих подданных в сих странах находится несравненно в худшем положении, нежели в протчих провинциях. Сии несчастные весьма невыгодно отличают себя нечистотою их платья и их жилищ, но особенно рабственными поступками и неограниченным унижением... последний из моих подданных имеет предомною и пред законами достоинство человека. Сеи новые провинции не знают

еще той чести, кою они должны Скипетру Прусскому, ибо начальствующие ими сами не знают своего звания и во зло употребляют свою власть. У них есть пословица, что Поляков должно управлять бичем; и я слышал многократно жалобы о сем от моих подданных и проч. и проч.» Вот как изъясняется Король-человек, коему отвратительно было видеть народ рабствующий повергающимся к его ногам. Он приказывает Министрам стараться возвысить сей оподлевший народ, научая и просвещая его, начальников же его наказывая за употребление во зло власти. Какое противоположение! Павел и Вильгельм!

Павел весьма сходствует с своим Отцом в жизни, которую он вел как В<еликий> Князь и при вступлении в правление Империи; они столько сходны, что, переменя имена и числа, можно принять историю одного за другаго. Оба воспитаны удаленные от дел, и жили сколько можно реже при дворе. Тетка точно так же поступала с племянником, как мать с сыном. Старались более всего продолжить их ребячество, сделать всегдашним их ничтожество и даже учинить их ненавидимыми и презрительными у народа и вельможей. Оба имели величайшую живность в теле и крайнюю неловкость в уме; оба, деятельность которая, не имея меты и пищи пристойной, перерождалась в шумливость: в первом она погрузилась в распусе, в другом потерялась в мелочах. Решительное отвращение к учению и размышлению вселило в них обеих сие страшное прилепление к ребячествам воинским, к которым Павел может быть меньше бы был прилеплен, ежели бы он мог видеть, сколько с ними был смешон Петр. Воспитание хотя и лучше было учреждено для Павла, но пользы ему столько же принесло, сколько и отцу, кроме знания русскаго языка и некоторых наук. Еще Павел был трезв.

Сходство их в поведении с женами есть, может быть, разительнейшее и влюбчивость самая страннейшая. Екатерина и Мария были красавицы; но пленить сердец своих супругов ни та, ни другая не успели. Екатерина имела душу честолюбивую, разум обработанный, нрав веселый и любезный: она посулила принуждение и удаление человеку, любившему одних солдат, вино и табак. Он влюбился в предмет не столько почтенный и гораздо удобнейший. Графиня В<оронцова>, будучи дурна, груба и глупа, лучше согласовала с его караульным вкусом.

Павел, находя в своей Супруге красоту правильную, тихость неизменную, угодливость неутомимую, жену послушную, мать нежную,

почувствовал к ней отвращение и прилепился к Нелидовой. Она есть малорослая, гадкость кажущая, заменяющая свое безобразие умом и ловкостью: но, правду сказать, надобно быть Павлом, чтоб в нее влюбиться.

Отец и сын, восходя на Престол, были равно ненавидимы и презираемы всеми, и оба показались обращающими к себе мнение общественное. Освобождение Костюшки и протчих заключников напоминает Бирона, Миниха и протчих, с тем отличием что Петр III не помрачил сих деяний милосердия никакими ненавистными и безпричинными гонениями. Оба издали важные для дворянства узаконения, но весьма в различном смысле, что не относится к чести Павла. Отец дал дворянству права весьма полезные, согласные с самою природою дел; Сын же хотел возобновить выжившие из лет отличия, ставшие в нынешние времена смешными, и которые притом не доставляли ни мало существенных отличий, поелику, 1-е, Он же уничтожил важное, хотя редко действовавшее, данное Екатериною право не быть никому наказану без суда и быть судиму своими братьями; 2-е, при Его правлении велено служащих нижними чинами в войске дворян наказывать наряду с протчими, а Екатерина избавила их было от сего постыдного исправления, велев дворян не иным наказывать, как обер-офицерским штрафом: при Павле же сие драчунство простерлось гораздо далее, ибо хотя офицеров и не бивали формально тростью, поставивши впереди фронта, но пинали, толкали не редко; некоторым же и зубы выбивали. И наконец 3-е. Пытали, секли кнутом, клеймили дворян по особому благосердию Павла точно наряду с последними рабами. Но Павел несравненно осторожнее, или лучше благоразумнее, повел себя с духовенством, нежели Петр: он не только не шутил, не озлоблял попов, не дотрагивался до их святостей, особливо доходов; но вздел тот час, дело однако небывалое, на некоторых архиереев и бельцов первейшие ордена Империи, на нижних отличительные шапки, скуфьи, кресты и проч. Повелел было в первом жару своего благоволения не наказывать попов телесно; но сия важная отличность, сравнивавшая их с дворянством, на другой день отменена в общем милостивом указе, коим повелевалось поступать со всеми преступниками без всякаго исключения по точной силе законов. Вот странное двусмыслие: в России одно уложение можно назвать некоторым родом закона; но с времен Петра I все государские указы, даже сенатские, велено считать законами. До царствования Екатерины, всех без различия виновных по законам, секали кнутом, бивали

батожьем, драли кошками, плетьюми, палками и проч. без малейшаго оспоривания; Екатерина своими указами которые также законы, не велела дворян ни за какия преступлении телесно наказывать; Павел своим указом, который тоже закон, отменяет закон Екатеринин, сказавши сечь всех кнутом, по законам. Во всяком другом месте, кроме России, подобное вопиющее в законах противоречие, произвело бы по судам страшное затруднение, но здесь благодаря крайнему судей законоискусству сие ни малейшаго не зделало ни в ком впечатления. Здесь каждый печется только о себе; разумеется, не его велено кнутом сечь, следовательно он и спокоен.

Но в чем Павел несравненно ниже Петра, это в подозрениях и недоверчивости, мучащих его непрестанно. Первое дело Петрово было уничтожить тайную канцелярию, учрежденную Елисаветою; и Павел ни о чем так скоро и тщательно не пекся, как установить лазутчество по домам, ободрять доносы и награждать доносителей. Неосмотрительное доверие Отца было пагубно, но оно имело свой источник в добросердечии, всегда почтенном. Недоверчивость сына не спасет его, она происходит от души робкой, прибегающей к самым низким пособиям.

Видя между сими двумя Государями толико черт сообразности, можно бы кажется из сего заключать и ожидать одинаковой участи Сыну; но сие невероятно, по крайней мере отдалено, и должно быть произведено отлично. Сколько Петр и Павел имеют между собою сходства, столько различествуют особы и дела их окружающие.....

.....
(После многоточий об Александре).

Впротчем он свойства щасливаго, но недеятельнаго. Ему недостает смелости и надежности находить людей заслуженных и достойных, которые обыкновенно сами скромны и застенчивы: опасно чтобы самый наянливейший, или безстыднейший, который всегда бывает самый невежа, или злой, не успел им овладеть. Попущая себя итти по направлениям посторонних, он не предается довольно побуждениям своего сердца и разума. Казалось, он потерял охоту научиться; лишившись своих учителей, особливо Лагарпа, коему он обязан за многие знания.....

О Константине

Сей юный Князь не имеет наружности любезной и привлекательной как его брат. Но ветренность в нем заменяет ум, и шалости обходительность... В протчем он Сын, достойный Отца: те же странности, та же запальчивость, та же жестокость, та же переменчивость.

Павел, не находя в своей семье никаких причин, чтобы опасаться участи Отцовой, не имел также ни малейшей опасности, от вельможей. Правда, что каждый ненавидел его сердечно, и десять лет обращал его в смех, при дворе его Матери, но Потемкина больше уже не было. Мелкость в благе и в зле был удел всех окружавших тогда Трон: ни один не имел ни столько разума, чтоб произвести перемену, ни мочной души, каковой требуют великие злодеянии. Екатерина справедливее своих придворных, нежели Графиня Мюральт своих ученых, могла называть: мои скоты. Легкая обрисовка каждого из сих господ может подтвердить истину моих слов.

Князь З<убов>, последний Екатеринин Любимей, совсем не имел ни ума, ни любочестия Орлова или Потемкина, хотя напоследок он имел более власти и доверенности, нежели оба сии славные временщики. Потемкин долженствовал почти всем своим величием самому себе; Зубов же своим – дряхлости Екатериной. Он выигрывал во власти, в богатствах, в доверии, по мере как Екатерина теряла в деятельности, в бодрости, в уме. В последние годы ея жизни, сей молодой человек, сказать прямо, был Император и Самодержец всероссийский. Он имел глупость хотеть, или казаться, все делающим: но не будучи нисколько навычен делам, он отвечал все испрашивающим его повелений: делайте как прежде. Ничто не могло равняться его надменности, как подлость толпившихся ползать пред ним; и, должно признаться, низкость русских придворных всегда предупреждала и превышала безстыдство временщиков Екатерининных. Все ползало у ног Зубовых, он, стоя на ногах, почел себя великим. Каждое утро многочисленный двор обседал его двери и наполнял его переднии. Старые генералы, великие чиновники Империи не стыдились ласкать его последних служителей. Опрокинувшись в креслах, в непристойнейшем безнарядье, воткнувши мизинец в нос, глаза беззаботно вперивши в потолок, сей молодой человек, с лицеизображением хладным и тщеславным, едва примечал его окружающих. Он забавлялся собакою, или говорил с шутком, тогда как старики Долгоруковы, Голицыны, Салтыковы, под которыми он служил сержантом, и все точно было велико и подло, стоя на

ногах, в глубоком молчании ожидали чтоб он кого-либо из них удостоил взглядом. Имя Екатерины употреблялося в его речах так, как слова Трон, Алтарь в манифестах Царей. Едва изъявлял он наружное почтение наследнику Империи... В протчем ни один из двенадцати временщиков не был так мал душою и телом как Зубов. Он имел может быть побочные достоинства, ценимые Екатериною, но он точно не имел ни ума, ни добродетелей, ни страстей, ежели не считать его тщеславие и скупость... Надобно еще отдать ему справедливость, что он не населял Сибири как Меншиков, Бирон и Вяземский; но он много сделал зла по наущениям Естергазия и некоторых выходцов французских; и бедствия Польши суть также частию его производства.

Император, обласкавши его сначала, скоро увидел что ему опасатся его не для чего; для сего повелел вдруг опечатать его канцелярию, секретари его были безчестно изгнаны, его угодники сосланы или заключены; для выгнания его учтивее из дворца подарили ему дом и отняли у него все его должности. Дела военные от него поступили к фельдмаршалу Салтыкову; тогда-то беспорядок и злоупотребление обнаружались явно. Как он не давал ни о чем сведений в военную Коллегию, то когда повелено было учинить новый распорядок в Армиях, совсем не знали, где находятся большая часть полков, а еще меньше, в каком они были состоянии.

Несколько недель спустя, Зубов получил позволение, или лучше повеление, оставить Россию.....

Иностранец, слышавший громогласную славу имени Суворова, и приехавший в Россию, спешит видеть сего Героя. Ему показывают малорослаго старичишку, лицом сухаго и рябаго, проскакивающаго дворцовые покои на одной ноге, или бегущаго или прыгающаго на улицах, последуемаго ребятишками, которым он кричит: я Суворов, я Суворов. Ежели иностранец с нуждою верит, что сей старый дурак есть победитель Турков и Поляков, ему не трудно будет догадаться по сим блудящим и свирепым взорам, по сей пенящейся и ужасной пасти, что се есть кровопийца жителей Прагских. Суворов был бы смешнейший шут, ежели бы он не был лютейший воин. Он чудовище, заключающее в теле обезьяны душу цепной собаки. Его грубые и шуточные приемы вселили в солдат слепую к нему доверенность, что заменило его воинские дарования и что было истинною виною его успехов. Отличившись с начала наездничеством, он достиг из чина в чин до Генерал-Аншефа. Он имеет

природную лютость вместо храбрости: льет кровь из зверского побуждения как Тигр. В Армии он живет как простой козак, не имея даже собственной лошади, а ездит всегда на первой подведенной ему козачей. Написать его род жизни, было бы начертать всех родов глупости; ежели он не настоящий дурак, то первым дарованием должно в нем полагать умение их ролю играть; хотя и глупости его суть не иные, как глупости невежи, не имеющие ничего забавного.

Он не всегда, однакоже, был щаслив. При осаде Очакова, Турки учинили однажды ложную вылазку, он пустился их преследовать против воли Потемкина, надеясь ворваться в город с беглецами. Но попал на скрытую батарею, от куда картечами так ловко принят, что потерял большую часть своих людей и сам тяжело ранен..... Подвиги его в Польше, суть подвиги истинного разбойника. Он торопился как можно удовлетворить мщение Ек<атери>ны, и избить остатки Армии уже побежденной Ферзоном. Суворов объемлющий жителей Варшавских, при возвещении им милостиваго прощения на двадцати тысячах трупах их сограждан всякаго возраста и пола, весьма истинно подобился пресыщенному Тигру играющему своею добычею на обглоданных костях.

Он был набожен и суеверен, принуждал офицеров молитвы читать в слух, и всегда почти грубо поступал с офицерами иностранцами и лифляндцами, которые не умели русских молитв.

Сей лютый человек имел однако и некоторые добродетели: он был примерно безкорыстен, иногда отказываясь от даров Ек<атери>ны, иногда разделяя их около себя. Он убивал безжалостно слабейшаго неприятеля, но подавал всегда милостину просящему. Его можно было видеть в одно время скрежещущаго зубами от ярости как беснующаго, смеющагося и кривляющагося как обезьяну и жалостно плачущаго как старую бабу.

Ненависть его к французам была неизъяснима; переписка его с Шаретом известна; в донесениях своих из Варшавы к Ек<атери>не часто на конец приписывал он сии слова: «вели, Матушка, итти на французов».

Часто он ездил по своему лагерю в одной рубахе, без седла на козачей лошаде; и по утру вместо зори, выбежав из своей ставки трожды хлопал руками как петух крыльями и трожды прокрикивал кукореку.

Нравом он был столько странен, сколько и умом. Спать ложился в 6 часов вечером, вставал в два пополуночи; часто купался зимою в холодной

воде. Обедал в 8 часов утром: перед обедом и завтраком пил водку ел кашу. Часто посреди сего не завидного пиру, один из его адъютантов вставал, подходил к нему и не велел больше есть. По чьему приказу, вопрошал Суворов? По повелению самого фельдмаршала Суворова, отвечал адъютант. Суворов, вставал говоря: должно повиноваться. Таким образом он часто повелевал сам себе по разным случаям; как прогуливаться, спать и проч.

Таков был с лишком славный Суворов. Поссорившись с своею женою он не хотел признавать сына которого имел от нее, и предпочитал ему своих племянников к Горчаковым; но когда Императрица произвела сего сына гвардии офицером, он сказал: Императрице угодно чтоб я имел сына; хорошо, но я его не знаю. У него еще была дочь фрейлина отличавшаяся своею глупостию при всем дворе.

По разрушении Польши он приехал в Петербург попользоваться своею славою: и тогда сей скиф поместился в Таврическом дворце, и вздел на себя богатый фельдмаршальский мундир. Надевая сию одежду он делал тысячу кривляний, целовал его, ласкал, крестил, и сказал подымая: ах! я не удивляюсь что не дают такого Николке Салтыкову, он слишком для него тяжел.

П<авел> как В<еликий> К<нязь> ненавидимый и презираемый своею Материю, смиряемый временщиками, осмеиваемый придворными, живучи уединенным и забвенным под царствованием блистательным и пышным, сохраняя порядок и строгость во нравах посреди повреждения и беспорядков двора его Матери, весьма немного долженствовал иметь добродетелей и любезности чтобы заставить о себе сожалеть людей умных, и желать себя народу. Его бы должно было ожидать как избавителя; но его вообще боялись и ненавидели как изверга: его домашние слуги, его офицеры, его придворные, его любимцы, даже его дети, дело ужасное для произношения, питали в себе более или менее сии страшные чувствования.

До возшествия его на престол, благосклонности его бегали: кроме что она навлекла часто негодование Императрицы и временщика, сия благосклонность сама по себе была к не милости как ведро к дождю; никогда человек не простирает далее странности и непостоянство в выборе своих друзей. Он с начала предавался доверенности и теснейшему обхождению без всякого остатка с тем кого он начинал любить: но скоро раскаиваясь о сем, почитал сего человека опасным; или поверенным его Матери, или временщика подосланным

его предать. Кроме тех, на которых малейшие ласки Императрицыны, или дружеское обхождение Бекендорфы, низводили бури его гнева, Империя была наполнена изгнанными его слугами, в немилость пришедшими его любимцами, и прогнанными его офицерами и всегда находившиеся ближе к нему, более на него жаловался; всегда получивший более милостей, находился в последствии несчастнейшим.

Павел окружен при возшествии своем на престол гораздо лучшими людьми, нежели мать его была к своему концу. Около его много было людей со сведениями и даже с достоинствами. Два брата к<нязя> Куракины, кажутся достойнейшими занимаемых ими ныне мест. Им-то приписать по справедливости все доброе что выходит. Растопчин, Г<граф> Шувалов, Нелединский все три с дарованиями последний и писатель. Николай, и Данауров оба ученые и...

Государь, коего Павел избрал отпечаткою своего Царствования и своих деяний, есть Фид<ерик> Вильгельм, Отец великаго Короля Пруссаго. Та же жестокость, та же строгость во нравах, тоже пристрастие к салдатам находятся в Самодержце Российском. Написать однако же все черты свойства Павлова есть выше моих сил. Известно, сколько трудно изобразить ребенка, коего лице-изображение не основалось, тоже самое и с человеком вздорным. Ко оправданию его можно только сказать что революция Французская подобно небесному огню опровергнувшему некогда его тезоименита Савла или Павла, поразила и разстроила его голову, она помешала и его матери череп бывший гораздо его крепче.

Что касается до образа, не он его себе делал: думают даже что и отец его сему не причина; и так было бы несправедливо тем его укорять. Памятно еще может быть, как Парижане увидевши его не могли удержаться, чтоб не воскликнуть: «Боже мой как он гадок!» и что он тогда сему смеялся. С тех пор он не покрасивел ставши стар, плешив, морщиноват. Императрица подле него кажется женщиною нарочно имеющую по сторону себя мерзкаго карлу для большаго возвышения своего стану и красоты.

Странность принятая им для своего одевания, жестокость в обхождении неимоверно приумножают его безобразия. Не выключая ни Калмыков, ни Черемисов, ни чуваш, ни Чухон, Павел есть самая гадость во всей Империи.

Еще некоторые черты изображающие свойства Павла, когда он был В<еликим> Князем.

Подле Павловска имелось возвышение откудова он мог видеть всех часовых, которых он разставлял повсюду где только можно было построить будку. На сем-то покрытом террасе он провождал большую часть своего дня; приставивши зрительную трубу к глазу он наблюдал все происходящее около его. Часто посылал нарочного к такому или такому часовому повелевая ему растегнуть или застегнуть одну пуговицу более или меньше; поднять ружье выше или опустить ниже; ходить более или менее шагов перед будкою. Иногда версты на две пушался сам учинить сие важное приказание, бивал солдата или всовывал рубль ему в карман, смотря по тому как он бывал им доволен.

Невзирая что Павловск была деревня необгороженная: в караульне останавливали, спрашивали и записывали, кто приехал, куда ехал, и зачем? Каждый вечер ходили дозором по всем домам справливаться, нет ли посторонних? Кто только был в круглой шляпе всякаго задерживали. От сих придинок Павловск объезжали, и убегали Павла, коль скоро его могли завидеть. Часто он посылал догонять убегающих, дабы удовлетворить свое беспокойное любопытство.

Нередко всех офицеров своего баталиона оставлял под арестом, ежели ему казалось что они худо салютовали, хотя сам никогда не умел и посредственно отсалютовать.

Окончу смешным хотя и жалким для В<еликой> Княгини произшествием: в один день задумавши учинить самые хитрые своими войсками движения, он поместил В<еликую> Княгиню на одном балконе замка, дабы она служила тычкою или точкою нападения его солдат: Сам принял он команду защищать сей пост. Часть войск поручил он майору Линденеру с повелением произвести нападение по его собственному плану. Сей план долженствовал сделать часть майору, и Павел готовился к самому умному защищению. К незгодью начал итти дождь; Государыня ни как не была увольнена, и принуждена была мокнуть. Павел бегал по всем местам где он ожидал неприятеля, кричал Государыне, иметь бодрость дабы не лишиться самага луччаго зрелища, скакал горделиво на лошаде между дожделивыми каплями как некогда Карл XII между ружейными пулями. Но часы протекали, дождь усиливался, и неприятель не являлся. Павел, преисполненный високаго

мнения о своем Прусаке, думал что он взял мудрую околичность кругом леса, дабы его лучше сплотить. Вследствие чего, он осматривал, переменил и укреплял непрестанно передовые свои посты, посылал разъезды и подзоры. Часто уносимый благородным рвением или своим конем, он выбегал довольно далеко в перед на встречу неприятелю, медленность которого начинала уже его щекотить. Скоро нетерпеливость его переменилась в негодование и бешенство. Ленденер жевышедши со своим отрядом довольно рано взял дальней самый обход около деревни; но зашедши с своею колонною в садовые просеки, и смешавшись строем, он не знал как вытти, а вытянуть фронт место не позволяло. Посыльные от Павла прибегая не престанно для понуждения его, и совершенно збили его с пути. Он не придумал лучшаго средства выпутаться из сих хлопот, как прикинуться вдруг занемогшим страшным колотьем, и уехать домой оставивши свою команду без начальника. Павел, взбесясь что самые умные его распоряжении к защищению остались без действия, пришпоривает своего коня скачет во дворец и запирается на целый день в своей комнате; кинувши и армию свою под дождем, и В<еликую> Княгиню на балконе, и всех приглашенных к сему мудрому маневру где кто находился; которые до двух часов по полудни не смели мест своих оставить, вымочились и переязбли, как нельзя больше.

Перевод Вин...го. 1802. № 3.

Ежели Р<еволуция> Ф<ранцузская> должна неминуемо обойти целый свет, как многие думают, наверное Р<оссия> будет последнее место куда она пожалует: на пределах сея обширных Империи Фр<анцузский> Геркулес воздвигнет два столба, на которых свобода долго будет видеть начертанные: Нет далее; за сим новый мир для нее открыт. Самовластие, поставив ногу на чело раба, и держась за небо злодейскою рукою, издевается над нею и пренебрегает ее: может быть оно подвигнется некогда на встречу ей до полей Германии, дабы ужасным боем решить судьбу вселенных. Уже оно похитило несчастную Польшу, и кажется имеет к северу и востоку такие же успехи, какие между двумя перевесными Государствами Ф... и Р...: их правила и выгоды совершенно должны быть противоположны; они верно когда-нибудь учинят между собою ошибку; и сим ударом раздавят вторичные царства, их теперь разделяющие. Се будет бой дня против ночи; последняя борьба философии с невежеством и разума с глупостью. Славная стена, воздвигнутая Китайцами против татарских набегов, отличный памятник их трудолюбия и робости, есть менее неприступна и менее тверда, как мрачная атмосфера хранящая Россию от приближения разума, и отделяющая ее от прочих народов. МОСКОВИТСТВО трепещет при виде опасности, заботится непрестанно усиливать сей оплот, и заделывать повреждения в нем производимые разумом. Сие политическое чудовище как другая баснословная Саламандра, утушает огонь ее окружающий нечистою пеною текущею из ее мерзкого рта, и тем самым превращает пламя в густой дым.

Я не утверждаю чтобы в России не было вовсе просвещения и любителей истины: но причастные им, будучи благоразумны, для собственных своих выгод покровительствуют невежество, и приводят в умственное положение рабствование^{*}. Пока не накопится довольно просвещенных людей в отдалении

---

^{*} Просвещение, ежели оно не делает человека во всем пространстве смысла, честным не должно носить сего священного названия. Оно не просвещение будет, но знание обращать случаи в свою пользу, уметь искусно носить личины добродетелей. Любитель истины ни под каким бы то ни было видом, рабство. Прочь от нас подобные просвещение и истина: лучше стократ правдушное невежество, нежели хитrostное просвещение. Можно однако, утвердительно сказать что есть в Р... истинные любомудры, правдушные любители истины, еще не преодолимое отдаление своих несчастных соотчичей от воззрения на свет истины, тьму препон всегда готовую останавливать все доброе, неизвестные бедствия сопряженные со всяким

истинно страждущих от рабства, до тех пор Р<еволюция> в России есть дело совсем не возможное.

Между многими Павловыми установлениями, особенно касающимися до восстановления владычества невежества, есть некоторые ведущие за собою последствия весьма могущие пособствовать успехам просвещения. Запрещение книгопечатания и учреждение тройной цензуры, возбудят рвение во всех приверженцах учения, чтобы беречь, назирать и питать те семена, коими они запаслись, но их не уважали. Отражение угнетения по сей части произведет неожиданные успехи, по той одной причине, что запрещаемого всегда ревностнее ищут, хотя бы для одного любопытства; но сие любопытство доставит пользы. Благодаря слабоумию своевольника и его приверженцев, они сами воздвигают себе врагов и роют себе могилу.

Но Р... весьма еще далека, чтобы могла насладиться в полной мере сим благотворением, и несмысленное предвидение самовольника, напрасно вызывает опасность, стараясь ее удалить. Народ Руской, оскотиненный веками рабствования, похож на тех переродившихся животных, для которых житье в домах зделалось второю природою. Не может он иначе возвратиться к свободе как постепенно и путями продолжительными и крайне трудными; он даже и не знает ее: быть свободным значит у него, оставить тягло к коему он привязан, весть жизнь праздную и бродящую. Он ненавидит работу, поелику никогда не трудился для себя; он не имеет чистого понятия о собственности: его земля, его имение, его жена, его дети, сам он принадлежит владыке, который ими располагает по своей воле.. Он не прилепляется ни к чему, поелику не имеет ничего: привязанность его к его деревне не иная есть как привязанность коня к его стойлу. Он без отечества, без законов, без веры. Христианство, исповедуемое народом Русским не более заслуживает название веры, как речения употребляемые воловщиком для понуждения своих волов, не составляет язык.

переновлением, особенно гибель рода человеческого; они находят единым возможным и дозволенным, в тайнике своих сердец чтить и растить Ф...; быть полезным своим братьям легким, на первый случай, открытиями истины, благотворить, нуждающимся, сострадать терпящим, стенать об общих бедствиях отечества; и молить источника всякого света, дабы он сам препроводил своих чад ему известными безмятежными путями к их благоденствию. Сие благоразумие не есть также добродетель; по меньшей мере оно приневоление, необходимое, но не произвольное, и не устремляющееся прямо для своих, на счет других, выгод.

Примечание П...во.

Отчаяние некоторых злосчастных крестьян может от времени до времени производить, как и пред сим, частные возмущения против своих господ: но общая перемена в Р... есть чистая мечта. Россия весьма пространна, и по мере сего малочисленна, чтоб ей можно было собраться громадою.

Кроме естественных препятствий, которые Московитство будет долго еще противопоставить всем успехам просвещения, оно усиливается ежедневно ныне помочными рыцарями стремящимися со всех сторон в Россию. Она нынче сделалась общим пристанищем невежества, скотства, суеверия и своеволия, гонимых в Европе. Нигде люди ими наполненные не принимаются так усердно как в России: они находят тут младенчество своих отечеств, златый век скотоводства. Прибегая, они восхищаются сами собою чувствуя себя с лишком уж для России просвещенными; они опасаются показаться опасными, и для того вновь опускаются со сладостным удовольствием в тину свою родимую стихию. Таков ленивец погружается, закрывая очи, в сон из которого луч солнца извлек было его против его желания. Человек приносящий в сию страну несколько сведений и несколько чувствований, примечает что они мало по малу помрачаются и исчезают в его сердце, а, ежели еще Самодержец жалует ему несколько душ, в промен за его, он находит весьма справедливым, весьма выгодным иметь рабов и быть самому им.

Между тем есть в дворянстве и даже при дворе, души благородные и возвышенные, которые, хотя не в полной мере одобряют свободу и равенство, негодуют однако же на постыдное отвержение самого себя какого от них требуют. Самовластие, вместо того, чтобы умягчаться и умерять свои несносные приемы, по мере как нравы очищаются, оно наоборот прибавляет от часу более жестокости, и делает свое и его смешнейшим и ненавистнейшим. В других странах Европы самовластие нисходит несколько степеней с своего престола, чтобы не слишком свысока толкаться с разумом и мнением общественным, которые оно должно наконец чтить: но в России оно еще выше карабкается, и старается подавить даже здравый разум.

Сие строптивное самовластия поведение будет наконец самому ему пагубно; нынешний род людей требует щажения.....

Разум не может совершенно погаснуть в душе, в которой он единожды поселился. Да трепещет убо каждый самовластник доводит, разум, честь и здравый смысл до крайности!..... есто не будет еще Р<еспублика>

Ф<ранцузская>; но она может быть такая, для которой Россия уже имеет довольно зрелости, то есть Аристократия просвещенная.

Надобно согласиться, что друзья свободы и России не могут еще желать в ней другой перемены; сия одна может на сей раз приличествовать сей обширной Империи. Народ находясь в плачевном состоянии как я сказал выше, недостоин полной свободы: надобно его к ней приготовить, заставить его ее желать, прежде нежели ее ему предложить; он ее употребит во зло, или, о дело ужасно! он ее отвергнет. Истинна отвратительная и постыдная для человечества, есть что правительство нынешнее Российское меньше гораздо склонно само собою к мучительству, нежели народ к рабствованию! Толико он уничижен своими тиранами.

Хотя дворянство имеет одинаковую с народом привычку, сколько можно ниже наклонятся пред самовластником, дабы и самим смирять еще больше своих рабов, но есть из дворян некоторые просвещены и просвещаются ежедневно. Многие из них любят, и многие начинают любить чтение; нередкие напиваются свое сердце примерами древности, и размышляют в тайне о том что писали Жан Жаки, Монтескю, и проч..... Как на самом деле, в конце седьмагонадесять столетия, в стране которая не окружена тройною медною стеною, в стране где многие умеют читать и некоторые мыслить, может еще существовать подобное правительство! Заглушая разум великими деяниями можно его принудить молчать. Но самовластие есть болван у коего глиняные ноги и железные руки; тело его исполинское но пустое; глава его скрывается в густом облаке, которое рабы почитают небом; одни дураки ему поклоняются, и трусы ему раболепствуют.

Когда я означаю в России одно дворянство на котором вольность может положить первый свой шаг, я не разумею в сем числе подлых царедворцев.

.....
Но успокойтесь, милые Русачки, трепещущие о себе при каждом ударе наносимом Геркулесом Французским злоупотреблениями и тиранам; и вы все дрожащие от его успехов, обнадежьтесь, ваше время еще не наступило. Прежде достижения к сему опасному для вас перерождению, вы должны еще перейти все степени просвещения: прежде нежели народ будет научен, надобно чтоб он был обделан. .... Утолщивайте оковы

ваших рабов, лейте их кровь, пейте их пот; день возрождения не возсиял еще для России.

Вам ли боятся конституции, когда вы и законов еще не имеете? для вас ли может быть опасно народное собрание? увы! у вас и Парламента еще нет, ниже дивана; ибо ваш Сенат гораздо далеко и от него: Муфтий держась Алкорана унимал иногда тиранов Византийских; ..... но кто остановит ваших? Ваши законы, вера не в его ли голове? Ваши души не ему ли принадлежат? Дубина его не скипетр ли для вас? не ваша ли подлость составляет его величие? и ваше ничтожество не есть ли оник означающий его цену? Обнадежьтесь свобода еще не для вас?

До наступления сего страшного для вас времени, солнце долго еще будет освещать прежние ваши бедствия. У вас еще будут Ермаки, Разины, Пугачевы прежде нежели родятся Лафаеты, Дюмурье, и проч. Вы долго еще будете переменять тиранов но не правительство; вы долго еще будете подвержены всем ужасам перемен дворских, нежели увидите перемену народную. В вашей Императорской семье долго еще отцы будут убивать детей, как Петр I Алексея; Тетки заключать в вечные темницы Племянников как Елисавета Иоанна; Жены давить своих мужей как Екатерина II Петра III ..... так вы долго еще будете видеть сии кровавые явления, пока народ утомленный толикими злодеяниями, и устыдившись своєю подлости позовет сам своего последнего тирана на суд. Но наконец сие достопамятное время должно притти в Россию как и во все другие места: шествие свободы подобно ходу времени, медленно, но верно; и север увидит ее когда-нибудь.

Что означает Якобинца в России, неизвестно мне, что во Франции и в Германии доставляет ныне в 1791-м году сей титул, толико опасный и ненавистный. Но в России, для наставления иностранцев есть неосшибочные знаки по коим Правительство познает Якобинца:

Человек умеющий читать и писать из какого бы он ни был народу, весьма подозрителен. Но ежели он француз без всякаго сомнения, Якобинец.

Кто читает газеты, опасен: кто же об них говорит, Якобинец.

Кто окажет сумнение что Суворов с 50-ти тысячами козаков не завоеует Францию в одно лето, Якобинец.

Кто осмелится выговорить, что Французы храбрые салдаты, что Моро и Бонопарте великие Генералы, и что Австрийцы не могут против их стоять, Якобинец.

Ежели кто подумал бы что Польша быв свободным Государством, могла против России воевать защищая себя, Якобинец.

Всяк кто мыслит что можно быть верным подданным не быв подлым рабом, Якобинец.

Всяк кто мыслит, что надобно с Российскими крестьянами поступать как с людьми, не продавать и не менять их как скотину, Якобинец..... И еще, и еще .....

Дворянин Руской, есть один из россиян коего могут видеть в иностранных землях, и который отличен в своем Отечестве. Он действительно великую имеет способность перенимать, мнения, нравы, обычаи, и языки протчих народов. Он бывает легкомыслен как прежде бывшей щоголь французский, до сумашествия влюблен в музыку как Италиянец, разсудителен как Немец, странен как Англичанин, низок как Раб, и горд как Республиканец. Он перенял от иностранцев науки, художества, пороки и несколько добродетелей.

Дух правления, и частное свойство самодержцев впечатлеваются целому народу, как и одному человеку, и вера Греческая вздорнейшая из всех христианских сект, окончательно его унижает. Про Россиянина можно сказать: Правительство его оподляет, вера оскотинивает, и мнимое просвещение его развращает. Тысяча лет рабствования под Варягами, Татарами и его собственными царями, не могли еще совсем погасить его свойств; и чего не долженствовал иметь сей народ, который в нынешней своей бедности и в своих оковах являет столько прекрасных качеств! Крестьянин Руской без собственности, без веры, без нравственности, без чести, есть странноприимец, человеколюбив, услужлив, весел, верен и смел: в отдалении от больших городов и добр;... Он, одним словом, имеет добродетели врожденные напоминающие нам нравы Праотеческие, пороки же его суть необходимые следствии рабствования. Остатки варварства принимать должно за невежество грубость во нравах и проч. ...и жестокосердия видны в части просвещеннейшего сего народа, то есть в дворянах, что представляет самую отвратительную противоположность. Сие варварство открывается грубостию нравов, обидным

презрением людей вообще, пренебрежением низших и рабским страхом вышших; равнодушием ко всему стремящемуся к совершенству, не знанием общественных пристойностей, наглым высокомерием, унижением, безстыдством, но особенно не имением той чести, которая заменяет иногда праводушие и даже добродетель.

Русские вообще любят научиться, и почитают иностранцев: одни совершенно не имеющие воспитания их ненавидят.....

В России в дворянском сословии есть два рода людей совершенно различествующих нравами и мнениями:

Одни враги записные всякое перемене, всякаго улуччиванья: они бы сердечно желали снова погрузить свой народ в варварство, отделить его от Европы, они поставляют всякое научение пагубою, и Петр I для них не законодатель, но развратитель своего Государства.....

Другие перенимая во всем нравы и обычаи Европейские, усиливаются шествовать наравне со своими современниками, и весьма часто их выпережают что касается до развращения и смешного. Они поставляют своею славою презирать или не знать обычаев своей страны; они имеют ум, общежительны, приобретают знания и дарования. Между ими-то можно найти людей отличных достоинств и любезных во всем: но, по большей части, они более вежливы нежели честны, более развратны нежели научены; и более тщеславны нежели горделивы. Сих особенно, все придерживающиеся старины, ненавидят, и Павлова гонения они суть особенною метою.....

После пьянства, порок виднейший и общественнейший у Руских есть воровство. Я сомневаюсь что бы мог на всем земном шаре найтись народ более падкий присвоить себе добро чужое: от первого Министра и Генерала до последнего слуги и салдата, все ворует, все грабит, все мошенничает. Из сего должно однако же исключить, несколько честных купеческих семейств, которые от обращения по торговле с иностранцами, со всем не походят на прочих своих собратий; они честны, верны в слове и имение наживают точно трудом и знанием торговых оборотов. Таковых наипаче можно видеть в обеих столицах, и в некоторых иных городах упражняющихся в действительной торговле, а не в торгашестве.

Сей постыдный порок общий всем состояниям народа, хотя и меньше видится между дворянством, но случалось не редко, в самых знатных домах

Российских вельможей, у самого двора, куда обыкновенно кроме знатности не многие впускаются, что записные книжки, часы, весьма часто пропадали из карманов, как бы на площади. Иностранец живущий в месте с Руским должен иметь осторожность, ибо они весьма часто поступают с небрежно оставляемыми вещами по своей пословице: «плохое положение и доброму искушенью». Англичанин выпустивший бред, будто Русские во многом походят на Греков, доказывая оный что они едят, пьют и спят как те, забыл прибавить что они воруют еще лучше их.

Что же виною тому, что Россияне столь наклонны к хищению? Не то ли что воровство у них не так строго наказывается? Нет, это происходит от совершенной их безнравственности, от недостатка в их законах; в дворянстве же особливо от худаго воспитания, а наипаче что дети от самых колыбелей обращаются с рабами, которые нечувствительно сообщают им свои низкие склонности.

Но ежели воровство по всеместно в России, зато смертоубийств весьма редко, и путешественник в отдаленнейших местах Империи бывает гораздо безопаснее в своей жизни, нежели на больших дорогах в Англии и во Франции. Ежели воровство и пьянство суть виднейшие пороки у Россиян, гостеприимство и мужество суть в них отличительнейшие качества.....

Купцы Российские хотя имеют все нужные качества для произведения всех родов торговли, но будучи почти во всем препятствуемы их жадным и несмысленным правительством, редкие могут достигать, невзирая на всю их тщательность до больших оборотов, большая же часть ограничивают себя внутренним торгом, и в место того, чтоб быть самим истинными купцами в своей земле, они только поверенные Англичан. Торговля сих островитян в сем Государстве более всего доказывает невежество и Правительства и Граждан: -
.....

Мирабо очень хорошо сказал: народ Руский есть самый КОВКИЙ из всех народов. Молодой крестьянин дикий, грубый, робкий взятый из своей лачуги, меньше чем в месяц, преобразается в ловкаго слугу, или в проворнаго и смелаго салдата. Из него в самое короткое время делают портнаго, музыканта, даже лекаря и стряпчего.

Мне сто раз говорили, что наилучший способ научить их чему-нибудь, есть палка; я не хотел сему верить, но наконец видел сам, и уверился.

Хотя в рукоделиях, хотя у питательной сохи, хотя под убивственным ружьем, Россиянин всегда скован, всегда трепещет руки своего владыки: все качества его души помрачены, все сладчайшие чувствования его сердца удушены. Удивительное дело! с сими-то подлецами, отнятыми насильно у их семейств, препровожденными в войско под палочными ударами, с подобными-то войнами Россия одержала столько побед над своими соседями! Можно, однако, сыскать причины сего мнимаго противоречия. Русской перенесший все тягости и бедствия жизни, до того что уже он выработан салдатом, должен, и может почитаться как бы существо неуязвимое, по меньшей мере безчувственное, обмоченное в Стикс. Едва третья часть выдерживает сии опыты, но тогда уже он становится не утомим и тверд как железо под молотом. От пышнаго Князя до последнегошаго мужика все Россияне кажутся одаренными свойством железным, и что они все равно вытерпливают жестокость холода и зноя, как обжирство и голод. Старые салдаты осаженные на наковальне самовластиа, суть самые жесткие из людей. - ..... Одним словом, ежели, чтоб быть добрым салдатом, не больше надобно как быть самую исправною машиною, как-то долго мечтали. Руской есть точно наилучший салдат в целом свете. Его храбрость столько махинальна, и столько послушна, что он больше боится палки своего урядника, нежели неприятельского дра: про него можно сказать что он храбр от великой трусости. И на оборот многим другим народам, Руской салдат не устрасимее своего офицера. Солдаты Россские много являют опытов храбрости и доверенности к своим Генералам, которые заменяют у них отчизнолюбие. По своей храбрости, по своему природному веселию, по своим приемам и по своей опрятности ни один салдат несходствует столько с Французом как Российский. Есть полки которые почти 60 лет находились неизменно против неприятеля, сии непрестанные бои зделали настоящими войнами Русских: но кровопролитии Очаковское, Измаильское и Прагское от которых и теперь еще содрогается Европа, их опустошении в несчастной Польше присвоили их мужеству свойство лютейшаго варварства; но сие свойство более должно поставляться на щет их Генералов и самой Екатерины. Россиянин, будучи раб, последует направлениям посторонним; он бывает точно то, чем хотят его иметь.

Народ Российский, народ храбрый и сильный, любезный и гостеприимный, в котором я нашел покровителей и друзей, прости

чистосердечие иностранца осмелившегося тебя начертать как он тебя видел, и который, ежели бы говорил о своих соотчиках не умолчал бы истинны. Изображая твои добры качества, я являл твое сердце; начертывая твои пороки, я показывал плоды твоего рабствования.

Гинекократия

Россия представляет единственный пример в Истории. В одном веке пять или шесть жен царствовали самовластно над Империею, где прежде женщины были рабыни рабов; где Петр I едва своею властью мог доставить им участие в обществе; где еще и теперь закон не присваивает им души. Царствование сих жен, оправдывает во всем те народы, которые запретили у себя им владычествовать, ибо трудно найти в истории шесть царствований более изобильными войнами, переменами, злодеяниями, беспорядками, бедствиями всех родов. При дворе, нравы умягчились, правда, но повредились и бедность народная увеличилась, по причине роскоши и разстройства. Злоупотреблении всех родов, мучительство и своеволие, зделались самою сущностию Правительства.

Древняя пословица «Когда жены царствуют, мужчины управляют» есть ложна. Когда жены царствуют, их любовники мучительствуют, и всяк грабит...

При царствовании Екатерины, жены имели уже приятие, переселенное ими в свои дома и в общество. К<нягиня> Дашкова омужчинившись своим вкусом, своими поступками, и своими деяниями, еще более подтверждала сие своими титулами и должностями Председателя и Директора Академий. Говорят что она сильно домогалася чина Генеральского или Сенаторского, но Екатерина по особым своим видам на сие не согласилась. Но еще бы одно женское царствование и девушка могла бы быть Генералом, иная же женщина Государственным Министром.

Многие Российские Генералы известные у иностранцев, управлялись в сие время своими женами. Граф В. Мус<ин>-Пушкин бывши в Финландии не смел зделать ни малейшаго движения не спросясь своей супруги. Граф Ив. Салтыков и естественно и нравственно был ниже своей сожительницы, и правитель военных дел Граф Ник. Сал<тыков> всегда дрожал пред своею бешеною половиною. Не воображайте, однако, чтоб сия покорность зделавшаяся почти повсеместною, было отличие делаемое мужчинами женщинам во вкусе щеголеватых Рыцарей, нет, Госпожи мною наименованные были стары, гадки, злы. - ..... почтение и старых внушаемые Екатериною, казались изливающимися на весь ея пол.

В отдалении от двора, видны были те же действия. Многие полковничьи жены управляли полками своих супругов даже во всех подробностях; наряжали офицеров и на службу и к частным своим услугам, отпускали их, отставляли, и иногда производили. Г-жа Полковница Мелина повелевала Тобольским полком с истинно-воинственным видом, принимала рапорты за уборным столиком, осматривала из окошек развод, исправляла чрез адъютантов непорядки, а мякинью ее муженек между тем занимался пустяками в ее же присутствии.

В деревнях еще больше примечательно мужничество женщин. Там вдова или девица а часто и замужняя, управляя имением, которое состоит по большей части в крестьянах; входят они в подробности совсем не приличные их полу. Продавать, покупать, менять рабов, распределять им работы; за неисправности кричать, бранить, велеть раздевать, сечь в их присутствии суть дела весьма обыкновенные для Российской дворянки.

Обычай поступать так с мужчинами, притупляет в самых юных годах в женском Российском поле естественную стыдливость, и я видал таких которые в сем превзошли бы безстыднейшаго мужчину. - ..... живучи с самага младенчества в толпе своих рабов, будучи обслуживаемы ими в своих особых и даже тайных нуждах, оне ни малейше не стыдятся мужчин, кроме своих равных и то притворно, ибо по жизни домашней Русскаго дворянина, дочери его восьмилетние гораздо более знают из тайнств и всех приемов по любовной части, нежели иностранки двадцатилетние. Каким удивлением часто поражались мои взоры, в многолюдной беседе, когда по неосторожности вымолвленное какое-либо непристойное слово, относящееся к срамным деяниям, тот час производило во всех женщинах даже в самых юных девицах улыбки, перешепты и перемигиванья; иногда, старались женщины же заманить мужчину, особенно иностранца, выговорить что-нибудь подобное, дабы позабавиться его смятением. Мать перьвая поощряет к сим знаниям свою дочь выговаривая ей: «ты уже невеста как тебе не знать сего?» Какая примечательная противоположность для наблюдателя, ежели тут же случатся лифлянки или иностранки: сии при подобной оплошности или шутке остаются без малейшей перемены в своих лицах, тогда как Р<усские> краснеют, подают одна другой знаки и проч. и проч.

Я не перьвый приметил, что в России женщины вообще злее, лютее, безжалостнее мужчин, и сие от того что оне более невежи, более суеверны. -

..... между ими-то можно найти тех Римлянок, из которых одна сказала заступавшему у ней за посланного сечь мужчину: «О! мерзость! мужчина раб» и другая, сказавшая своим подругам слышавшим вопль: «это безделица я велела высечь слугу».

Ежели в Риме могли существовать подобные женщины, чего же не можно ожидать от Русских? Я должен дать приметить до чего может доходить лютость женщины, когда Правительство, вера, законы и обычаи кажутся их уполномочивающими. Есть ли причина удивляться что рабство и мучительство превращают мужчин, когда они преобразуют в свирепых зверей пол чувствительнейший и тишайший!

Здесь следуют повествования нескольких лютостей произведенных у нас женщинами, но я их пропустил, уверен будучи что они к стыду нашего народа всем известны, и еще больше нежели сему Сочинителю.

Женщины Российские не одним сим берут верх над мужчинами, нигде нежный пол не берет столько первенства, и не играет столько перьваго лица в любви. Екатерина своим примером подала всем своим придворным Г-жам повод поступать в сем без малейшей скромности, или лучше с явною наглостию. - ..... Но это не самое важное из важных наших нещастий.

Клуб физический открытый в Москве, может послужить сильнейшим доказательством сея всеобщия распусты нравов, и странно-скотских вкусов при царствовании Екатерины. - ..... везде существующая удобность видеть наготу обеих полов притупляет у Россиян чувства и охлаждает воображение. Никогда молодой Россиянин не почувствует биения своего сердца ни кипения в крови от воображения враждающей груди. Он не имеет причины тайно вздыхать при воззрении на некоторые тайные прелести, он с самага младенчества все видел и все испытал. Молодая Руская девица не застыдится никогда невольно от любопытства, или от нескромной мысли, и ея супругу не останется ни что либо показать ей новое, ниже научить ее чему-либо ей неизвестному. И по сему не в России искать должно Юлий любовниц Сенерсу, а еще меньше Юлий супруг Волмара. Страна рабствования, не есть страна возвышенных чувствований или страстей, в ней едва наберется нужное для составления Романа.

По сказанному мною об Российских Госпожах я очень боюсь чтоб не возымели об них весьма невыгодных мыслей; я видал между ими много любезных и прелестных. Почти все одарены природным разумом и приятностями; они имеют вкус к художествам. Смеются при представлении хорошей Комедии, понимают совершенно двусмысленное слово, и одобряют прекрасный стих; но черты чувств возвышенных кажутся для них потерянными: я никогда не видал чтоб они плакали в Трагедиях.

Редко также обретаются между Русскими женщинами настоящие домоводки одаренные домовственными добродетелями. Они лучше успевают составляя прелести общества, или удовольствие для многих, нежели щастие одного. - .....

Но имевшие тщательное воспитание, особливо ежели они из семейств где нравы очищены, могут без противоречия занимать первейшие места между любезнейшими в Европе женщинами. Но сии суть цветки весьма редко посеянные и которые цветут в тайне.....

О Воспитании Россиян.

Екатерина написала начертание для воспитания своих внуков как издала свой Наказ.

Сие начертание выписанное из Локка и Руссо, как наказ из Монтекия Мамбля и Беккария делает ей честь. Ежели бы по сему начертанию было поступлено, А. и К., Великие Князья были бы Государи наилучче воспитанные в Европе, и даже так хорошо, что они могли бы быть чем-нибудь и другим... Но с начертанием о воспитании тоже случилось что с ея Наказом: тот поверен был невежам, которые по щастию никогда не собирались, сие же людям едва могущим читать.

Намерение же Екатерино было научить ея внуков всем знаниям, нужным просветить их разум и украсить оный. Ко щастию младых Князей, человек превосходных достоинств, Лагарп, был избран перьвым их учителем. - ..... и Россия будет может быть одолжена ему более нежели его земляку Лефорту. - .....

Благородная откровенность, с которою Лагарп являл чувствованию Республиканца, между рабами самовластной Императрицы подняла на него завистников. Все враги свободны и разума стали его злодеями. Бернцы перехвативши его письма писанные им к его двоюродному брату храброму Генералу Лагарпу, переслали их к Екатерине. Князь Нассау и Естергази зделались на него доносчиками, и усиливались описывать его как весьма опаснаго на сем важном месте. Екатерина позвала его в свой кабинет, и вот содержание их разговора, который явит в полном виде как величие души Екатериной, так и почтение, коим она удостоивала Лагарпа.

Екатерина. Прошу садиться г. Якобинец; я имею нечто важное вам сообщить.

Лагарп. Я протестую против титула коим изволите В<аше> В<еличество> меня жаловать, и не знаю почему я оный заслужил.

Тогда Императрица показывает ему полученные ею письма, и извещает его об обвинениях на него донесенных.

Лагарп отвечал ей почти сими словами: прежде нежели удостоен я поверенности воспитывать Великих Князей, В<аше> В<еличество> изволили

знать что я Швейцар, и следовательно Республиканец. Я не переменял моих мыслей, и Вы больше справедливы, Государыня, нежели чтоб ставить ныне мне то в вину, что тогда не изволили Вы считать ею. Мои соотчичи угнетаются Бернцами, я советую им прибегнуть законно к нашим древним правам, сие не значит мятежника. В протчем, Государыня, я удивляюсь Вашим великим дарованиям, я чту ваше правительствование, и я верно исполняю мой долг, принявши на себя воспитание В<еликих> Князей я приложу все мое старание быть достойным поверенности которую Вы изволили меня почтить, внушая им чувствованию свойственные их званию и их рождению, и прилагая все мое старание заставить их подражать великому Вашему примеру. Вот, Государыня, мое оправдание; В<аше> Величество можете меня судить сами повелевши изследовать мои труды и мое поведение при той важной должности которую Вы мне изволили поверить.

Екатерина, пораженная сею благородною откровенностию, сказала ему: «Будьте Якобинец, Республиканец и все то чем вам угодно; я вас считаю честным человеком; сего для меня довольно. Оставайтесь при моих внуках, пользуйтесь всею моею доверенностию, и пекитесь о их воспитании с свойственною вам ревностию». Такова была Екатерина. Величие в сем ответе и мужество Лагарпа тем примечательнее, что сие случилось точно в то достопамятное время, когда Австрийцы бежали от Дюмурье, когда голова Людовика XVI отделялась от его тела Гильотиною, когда Густав издыхал от удара Анкарстремова, когда Леополд умирал, как уверяют от яда, и когда все Цари трепетали на тронах.

Воспитание молодых Россиян, имеющих несколько достатка, обыкновенно поверяется иностранцам известным в России под названием Учитель. Большая часть из них суть Французы и Швейцары. Немцы не взирая на их добрые качества, и сильную ученость весьма неудобны, по свойству Россиян, спорить о сем с вышесказанными; собственные также всегда мало в сей части успевают.

Учители, сии люди которых легкомысленные осмеивают, и коих старухи усиливаются выдавать опасными, наиболее способствовали к обделанию Россиян, уча в разницу человека за человеком.....

Начиная славным Лефортом поселившимся в Петра I вкус к учению, даже до униженнейшаго французского писаря научающаго спрягать глаголы своего

языка, одни учителя поселили в Россиянах вкус, знания, дарования которыми они столько прославились у иностранцев. Сожалеть должно, без сомнения, что в числе определяющих себя на домашнее воспитание, и на образование людей, находится весьма много недостойных сего звания, и которых безнравственность и невежество изливают насмешки и ненависть на их собратий. Но подобные наставники начинали с трудом уже находить места, разве в отдаленных деревнях, у таких простаков которые почитают своих детей довольно воспитанными ежели они говорят иностранным языком.

Вельможи Российские имеющие великие богатства и знатны чины, обыкновенно поручают своих детей отличнейшим; ..... Редко учитель бывает до того безрассуден, или без научения и чести чвтобы захотеть во зло употребить свою должность; он находится в щасливейшем положении касательно своего воспитанника: учить, образовать прилеплять его к себе, становится необходимостью его сердца. Ежели он попадетя в достаточный и честный дом, он без сожаления посвящает 10 или 12 лет своей жизни, выигрывая чрез то верное состояние; он из своего ученика делает для себя истинного друга и часто покровителя. Самые его выгоды возбуждают его внушать ему мысли благородные и справедливые; что гораздо больше, и гораздо труднее нежели учить грамматику. Таким образом молодые Россияне проводят свое отрочество с иностранцем, который становится для них вторым отцем. И на самом деле кому обязаны они больше, давшему ли им наудачу забавляясь жизнь, или тому который посвящает свою жизнь свои веселии для распространения для улучшения чувства их существования, и для внушения им вкуса как делать оное благоденственным.

Сие иностранное воспитание имеет одно неудобство, которое, однако, не есть зло для России. Все Россияне воспитанные французами, имеют весьма явное прилепление к сему народу; они лучше знают язык и историю сего Государства, нежели свои собственные, и не имея на самом деле отечества, Франция делается для них отечеством их сердца и воображения. - .....

Примечено вообще что Россияне имеют щасливейшие расположения и удивительную удобность к понятию, и потому они чрезвычайно скоро успевают во всем том чему их учат. - ..... но часто также их можно равнять с скоро-расцветающими цветками никогда не приносящими плодов: ежели они путешествуют, возвращение в отечество, или занятие какой-либо должности,

суть обыкновенно окончание их учения, их вкуса и их философствования. Так Швейцар проводивши свою молодость во французской службе и навывки в ней блистательным порокам, оставляет их возвращаясь в свое отечество, и воспринимает простоту нравов своих предков. Они возвращаются к добродетели, но Россиянин к варварству. Одни души крепкие, сильно восхищенные прелестями философии, или красотой истинной славы, могут противустоять общему потоку; ибо знания которые казались покровительствовать Самодержцы, на самом деле были титулом исключения от должностей и почестей при дворе. Так нравы Европейские и самое свойство Екатерины были в непрестанном противоречии с варварскими видами и с напряжением единожды данным Правлению Российскому, которое разрушало своим возвратодействием все то что человечество и философия хотели учредить. Самовластие требует непрестанного отчуждения самого себя и даже знаний которые оно иногда покровительствует. Влияние учителей иностранных на свойство и нравственность Россиян побораются всегда предразсудками и препятствиями почти непобедимыми: но сие влияние постоянно и непрестанно; оно обрабатывает в тайне души; его успехи хотя медленны, как творении времени, но тем вернее. - .....